

Фантастические миры

Константин КАЛБАЗОВ

РУБИЖИ

ДВАЖДЫ В ОДНУ РЕКУ

Рубикон

Константин Калбазов

Рубикон. Дважды в одну реку

«Автор»

2013

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Калбазов К. Г.

Рубикон. Дважды в одну реку / К. Г. Калбазов — «Автор»,
2013 — (Рубикон)

ISBN 978-5-9922-1502-1

Однажды ты уже перешел свой Рубикон, изменив судьбу. Ты смирился с потерей всей прошлой жизни и принял выпавший жребий. Теперь ты один из членов доисторического племени. Ты учишь тому, что знаешь сам, работаешь не покладая рук, ведешь, тянешь и толкаешь по пути развития, не всегда понятый окружающими. Ты сражаешься, не щадя ни себя, ни других. Ты наматываешь на кулак свои жилы, выкладываясь до последнего... «Нельзя дважды войти в одну реку»! Но перед тобой открывается дверь домой – и ты опять оказываешься на берегу неприметной речки с судьбоносным названием. И только ты можешь принять решение – вернуться в лоно родной цивилизации или построить свою.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1502-1

© Калбазов К. Г., 2013
© Автор, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Константин Калбазов

Рубикон. Дважды в одну реку

Глава 1

Новый

Голубое безоблачное небо и беспрестанный птичий щебет. Эти маленькие создания, истосковавшиеся за зиму по теплему солнцу, рады каждому погожему дню, хотя их предстоит еще много, ведь это только начало. Однако им прекрасно известно, что за летом придет зима, полная холодов и испытаний, а потому терять время и оставлять что-либо на потом неразумно.

День выдался жарким. Такое впечатление, что не конец весны, а самая середина лета. Вот только все вокруг утопает в такой сочной зелени, что летом, как ни старайся, таких красок не увидишь. Стоит прикоснуться к земле, как тут же начинается ощущаться прохлада. Если лечь на траву, то сразу разделишь два ощущения: снизу тянет холодом, а сверху наваливаются горячие солнечные лучи. От подобных экспериментов лучше воздержаться, а если уж так хочется, то не помешает подстелить под себя что-нибудь, потому как недолго и заболеть.

Дмитрий Соловьев с нескрываемым наслаждением вдохнул полной грудью чистый воздух. Хорошо. Потом его взор скользнул по простирившейся перед ним местности, и сердце замерло, на мгновение позабыв о том, что его непрерывная работа – одна из важнейших составляющих жизни организма. Было от чего замереть.

Он стоял на холме, по которому проходила кромка лиственного леса, а перед ним простиралась долина с небольшими возвышенностями. С запада – река Быстрая, названная так из-за своего течения. Оно недотягивало до бурного, но все же Быстрая была настоящей горной рекой, с заводами и перекатами. Она рассекала лесной массив на две части. Примерно в паре километров от места слияния с рекой Тихой левый ее берег становился голым, правый же по-прежнему утопал в густых зарослях деревьев.

На восток и юг – открытая местность. Не сказать что обширная – она простерлась вдоль берега Дона километров на пятнадцать, имея ширину не больше шести. По левому берегу Тихой, то есть в северной части, долина имела лишь тонкий слой плодородной почвы, после которого начинался каменистый грунт. По правому, это к югу, земля была уже иной. Слой чернозема здесь достигал шестидесяти сантиметров и как нельзя лучше подходил для земледелия. К тому же местность становилась уже куда более пологой, что было немалым плюсом, так как грунт не будет вымываться ливнями.

Сейчас отчетливо виден черный квадрат вскопанной земли, огороженный плетнем. Намаялись с этим огородом изрядно. Мало того что пришлось копать по целине, так еще и земля влажная. Но ничего, управились и засадили весь семенной фонд. Большое подспорье в этом оказали полтора десятка лопат, которые удалось выковать за зиму. Изделия получились неказистыми, но достаточно прочными и со своей задачей справлялись. А что еще нужно?

Рядом постепенно разрастается еще один участок поднимаемой целины. На будущий год площади понадобятся куда большие, так что, пока земля еще хранит в себе достаточное количество влаги, лучше с этим не затягивать. Тягловых животных нет, все на ручном труде, и каково это – вручную перелопатить большую площадь, – поселенцы уже успели убедиться на себе. Опять же здесь гербицидов нет, с сорняками снова воевать руками. Понятно, что за зиму смастерили деревянные грабли, имеется и с десяток тяпок, но это не культиваторы.

Напротив огорода, на другом берегу реки, на клине, образованном слиянием Быстрой и Тихой, расположился собственно сам поселок, который, не мудрствуя лукаво, назвали

Новым. А что? Старый поселок остался там, на Байкале, брошенный и никому не нужный, а вот здесь начали возводить новый, отсюда и название. Дел предстоит еще много. В настоящий момент возводится пока только один дом, остальные люди проживают в рулах, – жилищах из жердей, на которые натянуты шкуры, но это продлится недолго. Те, кто прожил зиму в прежнем поселении, смогли оценить удобство саманного дома, так что на будущий год планируется настоящий строительный бум.

Дабы не терять время, Дмитрий попросил помощи у верховного шамана в разборке и перевозке их прежнего дома на новое место, пообещав расплатиться с теми, кто примет в этом участие, мясом бакана – это местные так мамонта называют. Таких, кто не поверил великому охотнику на барху и бакана, не нашлось. Немалым подспорьем в этом плане послужил пример рода Волка. Его вождь тоже поверил посулам новоявленного соседа и не прогадал, получил все полной мерой. В эту зиму в его рулы голод даже не пытался заглядывать, мало того, еще и ближайшим родам помощь оказали.

Может, охотники и послали бы его куда подальше, все же работать, в нашем понимании, они непривычны, но жизнь выбросила им кости таким образом, что выбор у них был невелик. Сейчас дела с охотой и рыбалкой наладились, так что проблем с пропитанием практически никаких, вот только так припасы на зиму не заготовишь. Обычно этот вопрос решался во время большого кочевья, когда устраивалась охота на зобов, стада которых кочевали по открытым участкам, расположенным южнее. Но после мора роды сильно ослабли: в конкурентной борьбе им не выстоять, еще и значительные убытки можно понести, поэтому оставалось только отсиживаться по лесам и готовиться к очередной скудной растительно-рыбной диете. Местные собирали какой-то злак и бобы, но не сказать что сборы эти были большими. Предложение Дмитрия было очень выгодным, тем более тем родам, где практически не осталось охотников, а голодных ртов – в избытке.

Старый дом, печи и навесы, кроме обмазанных глиной, разобрали, уложили на катамараны из двух больших пирог с настилом из жердей и перевезли к новому месту. Да, это стоило определенных трудов, но все меньших, чем возведение дома с нуля, который они строили, считай, все лето и осень, хотя и не жалели себя. Правда, теперь Дмитрию предстояло убить как минимум пару мамонтов, чтобы расплатиться с помощниками и сделать запасы для своего рода, но он не отчаивался. Добудет. Иначе грош ему цена.

Дмитрию советовали расположить поселок на другом берегу, ближе к огороду и будущим полям, но он отказался. У этого места свои преимущества. Обрывистые берега позволяли чувствовать себя в относительной безопасности, а возведение с одной стороны прочного плетня позволит обезопасить себя от возможных неприятностей. Заморачиваться с частоколом не было желания, слишком долго, а такая ограда себя уже оправдала раньше. За все время на территорию старого поселка не было ни одного проникновения, хотя голодной зимой волчьи стаи не раз подступали к человеческим жилищам. Да и от нападения людей какая-никакая защита.

На другой берег переправлялись пока на пирогах, благо в них недостатка не ощущалось, имелся даже переизбыток. Дойдет дело до более серьезного, тогда можно и мостом озаботиться. Через Быструю метрах в трехстах от поселка имелся брод. Здесь был довольно широкий разлив, и вода доходила едва до колен: правда, сейчас, пока вода не спала, поглубже будет. Была переправа и поближе, там поперек течения весьма удобно лежало несколько валунов, между которыми опрокинули мостки. Переправа была извилистой, так как камни лежали не рядом. Впрочем, грех жаловаться: можно перейти на другой берег, не замочив ног, и ладно.

Соловьев обернулся и посмотрел на стену леса за своей спиной. Где-то там, километрах в трех или четырех, расположен Кровавый склон. Вейн всю зиму потратил на то, чтобы убедить остальных шаманов, что ему одно за другим приходят откровения от великого духа. Все так или иначе указывает на то, что путь возрождения бывшего величия племени сауни свя-

зан не только с его посланниками, но и с кровью предков, которые, находясь за гранью, не могут спокойно взирать на происходящее и хотят оказать помощь своим потомкам.

В пользу этого говорило и то, что еще осенью великий дух указал новое место проживания посланцев. А также то, что лишь потом верховному шаману явилось откровение от предков племени, призывающих взять их кровь и с ее помощью возродить племя. Ничего – вдруг. Все одно к одному. Понемногу Вейн подводил шаманов к принятию нужного решения. На самих церемониях и советах Дмитрий, понятное дело, не присутствовал, но ему был известен результат.

Сейчас они возвращались не просто с охоты, а ходили на этот самый склон. Дмитрий не смог удержаться и отправился глянуть на залежи руды, как только сняли запрет. Тут тоже не все так просто. Сняли его лишь для мужчин и лишь для нового рода Пса, где, собственно, и обретались посланники великого духа. Вейн обещал, что с годами все утрясется, но пока и это огромное достижение.

Дмитрий, конечно, не геолог, но картина, представшая его взору, была прямо-таки наглядным пособием по тому, как может выглядеть гематит в природе. Склон, поросший редким лесом, похоже, сплошь состоял из этой руды, упрятанной под тонким слоем грунта. На этом же участке случился оползень, в результате чего руда вышла на поверхность, а потом ее еще и промыло дождями. Одним словом, ладь прямо здесь горны и плавь железо, благо кругом леса и можно легко выжигать уголь. Жалко портить такую красоту, но ничего не попишешь – без угля ничего не получится. Здесь же протекает полноводный и быстрый ручей, а значит, можно устроить и механические молоты. Нужно ведь будет и руду дробить, и крицы обрабатывать. Все наладится, дай только время – и он развернется во всю широту русской души.

Год. Они здесь *уже* год или, быть может, *всего лишь* год. Смотря как измерять. Для него и его спутницы, кажется, прошла целая вечность, прожита целая жизнь. Сколько же всего успело произойти за это время, а сколько еще предстоит...

В конце августа прошлого года друг детства Семен позвал его на рыбалку. Так уж случилось, что с Дмитрием Соловьевым в машине оказалась жена Семена, Лариса, вот вместе с ней-то они и оказались неизвестно где. Выехали в конце лета, а тут – конец весны. По всему выходило, что это какой-то параллельный мир, а может, и другая планета, кто знает. Сутки здесь длились дольше, как теперь выяснилось, и год был длиннее на несколько дней. Удивляло отсутствие луны и знакомых созвездий на небосклоне, но в остальном все было очень похоже на их Землю – растения, животные земного типа, причем во множестве – доисторические. Здесь все еще обитали мамонты, но были и вовсе невиданные звери.

Поняв, что произошло, они с Ларисой долгое время не могли покинуть то место, где их выбросило в этот мир. Потом пришло осознание: случилось нечто непоправимое и нужно просто жить дальше. Возможно, их бы уже не было в живых, но, как оказалось, этот мир населен людьми. В своем развитии они, правда, находились еще в каменном веке, но это были самые настоящие люди.

Им удалось подружиться с охотниками-собираателями, заручиться их помощью и поддержкой. Мало того, тут обнаружился их соотечественник. Он попал сюда еще мальчишкой и теперь, прожив среди дикарей сорок три года, занял место верховного шамана. Максим, или Вейн, именно такое имя он получил здесь, был безмерно рад появлению Дмитрия и Ларисы, видя в них спасение племени сауни, которое стало для него единственной семьей.

Дело в том, что по землям племени прокатилась эпидемия кори, к которой оказался невосприимчив старый шаман, перенесший эту болезнь в детстве, еще на родной Земле. Однако остальных членов племени инфекция косила без разбора. Вымерли целые стойбища. Из пяти с лишним тысяч человек в живых осталось меньше тысячи. Но на этом беды племени не закончились. Ведь они были не одиноки, и вокруг проживали другие племена, которые

эпидемия не затронула. Ослабленные, не способные постоять за себя, сауни были обречены на вымирание, с чем никак не мог смириться Максим.

Он предложил новичкам за счет их знаний помочь племени стать более сильным. Взамен их обещали принять в большую семью, что могло обеспечить безопасность. Дмитрий и Лариса согласились. Так и вправду безопаснее, уж очень странно они выглядели для местных. Заступничество со стороны представителя высшей власти было совсем не лишним. Но самое главное – у них появлялась цель в жизни и веселье до конца дней. Вот они и веселились.

Перво-наперво им пришлось как следует напрячь память и кое-что вспомнить. Дмитрий даже не представлял, что обладает такой прорвой знаний, но, как выяснилось, знал он очень много, как и Лариса. Так что мало-помалу у них начало что-то получаться. Но имелись и кое-какие проблемы. Так, несмотря на всеобъемлющую поддержку Вейна, они ничего не могли поделаться с ленивой натурой местных мужчин-охотников, которые просто не были приспособлены к труду.

Именно поэтому основное население их поселка состояло из женщин и детей. Первые были вполне трудолюбивы, и весь нехитрый и тяжелый быт держался на них. Вторых предстояло воспитать в трудах праведных и повседневных, а иначе все напрасно. На сегодняшний день к населению добавилось еще восемь мальчиков десяти-одиннадцати лет, уж больно с хорошей стороны проявили себя те мальчишки, что были в поселке. Вейн готов был предоставить и большее количество детей, поскольку в сиротах после мора недостатка не наблюдалось, но Дмитрий отказался. Нельзя пытаться объять все и сразу. Вот проживут эти с годик, поработают, наберутся кое-какого опыта, а там, глядишь, из них получатся наставники и для следующих.

– Ну что, пойдём? – поинтересовался Табук, один из двух охотников, проживавших в их поселке.

Раньше они могли себе позволить уйти на охоту всем мужским коллективом, теперь же это стало непозволительной роскошью. Вот закончат с ограждением, тогда да, а пока лучше поостеречься. Поэтому на охоту они отправились вдвоем: второй охотник, Гарун, оставался на охране и обороне вместе с Ункой и Тынком. Вроде и мальчишки, но это как поглядеть. Немного найдется деток, имеющих возможность похвастать своим законным ожерельем, на которое к тому же насажены клыки волков, убитых самолично.

Странное дело, местным не был известен лук. Они пользовались либо массивными копьями, либо легкими дротиками, которые умело запускали при помощи копьеметалки. Дмитрий решил за зиму устранить этот пробел и изготовил луки. Взрослым это оружие до конца так и не далось, поэтому пришлось шагнуть еще дальше и «изобрести» арбалет. А мальчишки ничего, весьма недурственно наловчились обращаться с луком.

Так что случись появиться незванным гостям, их встретит не только Гарун со своим арбалетом и кое-какими приемами, которым обучал Дмитрий. Немалым подспорьем в такой ситуации окажутся эти самые мальчишки. После схватки со стаей голодных волков ребята удвоили усердие в наработке навыков по пользованию луками, и улучшения были существенными. Если бы сегодня довелось сойтись в подобной схватке, их ожерелья украшало бы куда большее количество трофеев.

– Пойдем, – легко согласился Дмитрий, взваливая на плечо свой конец шеста, на котором висел молодой олень. Сегодня будет свежати́на.

Поселок встретил своих мужчин нескрываемым и радостным возбуждением. Еще бы. Апука (местный вариант земного пемикана) и рыба уже успели надоесть, так что свежее мясо было как нельзя кстати. Люди не могут обходиться одной только сытной пищей (а апукa весьма калорийна), хочется еще и побаловать себя чем-нибудь повкуснее. Тем более когда целыми днями заняты тяжелым физическим трудом и организм постоянно растет. Ну да, немалая часть

тяжелого труда легла на детские плечи. От этого Дмитрий чувствовал себя настолько неловко, что работал за двоих не щадя своих сил.

Сегодня воскресенье и по заведенной уже традиции в поселке выходной, вследствие чего Дмитрий решил принять участие в охоте. Заодно не мешало посетить и залежи руды, чтобы прикинуть возможности будущего производства металла. Нужно все же освободить от работ Табука и Гаруна. Пусть делают то, что умеют лучше всего: охотятся и обеспечивают всех свежим мясом. Живность вернулась в округу, поэтому переживать по поводу их блуждания в бесплодных поисках особо не приходится. Но главное – ребята не будут наблюдать кислые физиономии, которые одним своим видом ведут дурную агитацию.

Дмитрий хотел было помочь Табуку управиться с тушей оленя, но тот отмахнулся, мол, иди отдыхай, сам справлюсь. Оно и понятно, Соловьев хоть и поднаторел в этом деле, но тут скорее будет помехой охотнику. Местные даже не подвешивали тушу, чтобы снять шкуру и разделать добычу, умудряясь управляться быстро и чисто прямо на земле.

Опа! А что это за запах? Это кто же успел свежатины набить раньше них? Неужели какая-то животиная вышла прямо на поселок? Иначе никак. Гаруну строго-настрого запрещено покидать пределы поселения.

Вон в чем дело. Охотник тут ни при чем. Это детвора. Как видно, они решили устроить свою охоту и сумели набить несколько птиц, которые в изобилии появились в камышовых плавнях. Вообще-то такое не принято, сейчас у птиц идет самое гнездовье, даже животных не бьют без разбора, стараясь высматривать самцов. Но, похоже, от первого выхода на охоту никто не ждал удачи, так что решили подстраховаться и отправили мальчиков в плавни.

Но каковы! Ведь они набили птиц из луков, и стрелять наверняка пришлось из лодки. Мастерство стрелков растет, и это радует. Поначалу взиравшие с недоверием на эти игрушки, потому как сами никак не могли стать стоящими лучниками, охотники уже прониклись уважением к новшеству, правда, сами предпочитают арбалет. Вот это оружие они освоили очень быстро, в чем немалую роль сыграл их тренированный глазомер, ну и простота использования.

Сейчас в поселке только три лука и три арбалета, не так чтобы много. Если вначале наблюдался переизбыток, то теперь явный некомплект. Спасибо охотникам, они заверили вожда, что возьмутся за устранение этого пробела. Пока же мальчики тренировались, используя имеющиеся луки, отчего Унка и Тынка откровенно не были в восторге. Ничего, к середине лета у каждого будет свое оружие.

– Я вижу, удачно поохотились, – подошел к Дмитрию Вейн.

Шаман теперь был частым гостем в поселке, ведь и его поселение расположено всего в дневном переходе, на берегу Дона. В Новый он прибыл накануне вечером, принес вест о том, что все формальности по Кровавому склону утрясены окончательно и бесповоротно. Разумеется, он предпочел остаться и подождать результата разведки.

– Грех жаловаться.

– Во всем удачно?

– Да не смотри ты на меня, как ребенок, который ждет леденец. Во всем. Там получится развернуть целый металлургический комплекс и спускать в поселок уже готовые полосы и слитки железа. А здесь буду разворачивать кузнечное дело.

– Людей у тебя мало. Может, все же перебросить тебе еще несколько мужчин?

– А у тебя есть кого перевести из рода в род?

– Нет. Но можно попытаться.

– Не надо. Я и Табука с Гаруном буду отводить от дел. Пусть занимаются охотой и изготовлением оружия. Лес еще остался, да и заготовить зимой получилось изрядно, так что месяца через три его вообще будет много.

– Арбалеты?

– Пока они мастерят луки. Нужно детей полностью обеспечить. Когда закончат, примутся за арбалеты для наших женщин.

– Женщинам – оружие?

– Именно. Им будем ладить килограмм на тридцать, не больше. Но все одно, случись беда – это станет хорошим подспорьем. Только после этого можно подумать о том, чтобы делать что-нибудь на продажу.

– На продажу?

– Вейн, ты меня удивляешь. А за счет чего мы должны жить? Поселок начнет разрастаться, двое охотников просто не в состоянии покрыть всех потребностей, а нам нужны и мясо, и шкуры, и кожа, выделкой пока заниматься некогда.

– Мы сможем вас обеспечить всем необходимым.

– Вейн, не надо мешать сюда твое пионерское детство. Вариант «все вокруг колхозное, все вокруг мое» себя не оправдает. Я ведь тебе рассказывал о том, что Союз рухнул, а его плановая экономика не выстояла. Я тот еще экономист, но знаю одно: нужно развивать торговлю. Думаешь, почему я не понадеялся на твой авторитет во время переезда и пообещал расплатиться мясом мамонта? Люди должны видеть свою выгоду и понимать, что просто так ничего не бывает. Пока введем меновую, на большее рассчитывать не приходится. К тому же кое-какие зачатки у вас уже есть, а там потомки подсуетятся, если мы не успеем.

– А как же внутри рода? Тут ты тоже все будешь выменивать?

– Пока у нас много общего, но когда наладится, то буду вводить и внутри рода. Без частной собственности толку не выйдет.

– Я представлял себе это несколько иначе.

– Понимаю. Но если смотреть в перспективу, то перемены просто неизбежны. И люди разделятся на классы, никуда от этого не деться. Правда, не думаю, что это произойдет при нашей жизни, но это закон развития общества. У сауни появилась возможность из отстающих вырваться вперед, но этого мало, нужно еще и устоять, а это под силу, только если непрерывно развиваться и укреплять внутриплеменные связи. Иными словами – создавать государство, а оно в существующем варианте строя просто невозможно.

– Может, ты ошибаешься?

– Может, и ошибаюсь, – легко согласился Дмитрий, – но я опираюсь на то, что мне известно и как я это понимаю.

– Ну и как нам выстоять сейчас? Нам нужно оружие, чтобы противостоять другим племенам.

– Оружие ничего не решит. Возможно, оно позволит вам выйти на большую охоту и дать всем прикурить, когда вас попытаются оттеснить. Вот только пользы от этого мало. Все опять почувствуют себя сильными и никуда двигаться не захотят. К черту ремесла, к черту земледелие, к черту оседлую жизнь. И это самый оптимистический прогноз. Ты этого хочешь?

– А чем мы плохо живем? – вскинулся Вейн.

Во-он оно в чем дело. Оказывается, маленький мальчик, грезивший индейцами, никуда не делся. Он постарел, но не повзрослел. Получается, ему хочется, чтобы образ жизни у людей остался прежним, но за счет нового оружия они стали сильнее и могли противостоять другим. А что же тогда за речи были там, на берегу Байкала? Как же то, что людей нужно приучать к земледелию? Или ты и сам не знаешь, что тебе нужно, старик? А может, уже начал жалеть, что взялся за это? Ох, Вейн, не то ты говоришь. Не то.

– Брось. Строить новое, вцепившись в старое, не получится, – не сводя внимательного взгляда с собеседника, возразил Дмитрий, покачивая головой.

– Но зато получится опять принести изобилие в рулы сауни.

Да что за муха тебя укусила! Чего ты вскинулся, как мальчишка? Нет. Надо все же ставить ему мозги на место, а то он наворотит тут такого, что ни в жисть не разгребешь.

– Получится нажить себе смертельных врагов. Хорошо, вы выстоите на большой охоте, надаете всем по сусалам, заготовите столько мяса, сколько и не снилось раньше, арбалеты дадут очень большое преимущество. Но что потом? Вы вернетесь на свои зимние стоянки, расползаетесь по лесам и опять станете беззащитными, когда расстояния между стойбищами будут измеряться не парой километров, а дневными переходами. Ты можешь объединить рода так, чтобы в каждом было хотя бы по паре десятков охотников?

– Нет, мне это не по силам, – вздохнул верховный шаман. – Одно дело – распределить людей из умерших родов, где не осталось ни одной полной семьи, и другое – когда есть хотя бы одна. Если есть семья, значит, род не умер.

– Вот и я о том же. Вас перебьют по одному, а арбалеты послужат лишней красной тряпкой. Да и не сможем мы дать слишком много этого оружия. Если все бросим и будем заниматься только этим, то, наверное, сумеем сделать за лето десятка три или четыре.

– А как Табук и Гарун сделали свои арбалеты?

– Намекаешь на то, что другие точно так же могут повторять процесс и ради этого готовы будут пожить здесь, возле нас?

– А почему нет? Инструмент у тебя есть.

– Ты забываешь, что у меня только один комплект плотницкого инструмента, что все металлические части придется ладить только мне. Ты можешь призвать сюда сотню охотников, но это не значит, что через месяц, сколько и потребно времени по технологии, у них в руках окажется по арбалету. Одновременно смогут работать максимум четверо, при условии выполнения различных работ. Ну что ты на меня смотришь? Мы не сможем даже посадить всех, чтобы они элементарно выстругали себе ложе, потому как в поселке даже ножей всего лишь десять.

– Жаль. Арбалеты решили бы много проблем.

– Вейн, мне не нравится твой настрой. Я вижу не того человека, что приплывал ко мне осенью. Что случилось? Ты так стремишься получить оружие, что у меня складывается впечатление, что ты решил обойтись малым.

– Ты был тогда прав. После всего они уже не будут сауни. Опять же сейчас они все равны, нет ни господ, ни рабов. Что будет после того, как мы поведем их в светлое будущее?

– То, что и должно произойти в любом случае. Это закон развития общества. Понимаешь – закон. Он столь же непреложен, как и любой закон природы. Просто произойдет это много позже, но к тому времени никто даже не вспомнит, что были такие сауни. Так что если начал, то не останавливайся. Помнится, ты говорил, что среди них есть твои потомки, так вот мои тоже будут. У меня уже есть сын, вторая жена вскорости тоже родит. Теперь для меня это совсем даже не игра и не просто занятие на всю жизнь, чтобы развеять скуку. Я также кровно заинтересован в том, чтобы племя выстояло, но людям придется поменяться.

– Я заметил, что вы с Ларисой все время стараетесь говорить по-русски.

– И Сайна тоже. Люди, в особенности детвора, начинают уже понемногу разговаривать.

– Следующий шаг – письменность?

– Разумеется. Люди должны быть не просто сыты, они должны быть грамотными, иначе нам не передать и сотой доли наших знаний. Сегодня Лариса занимается непрерывными опытами, старается выжать из своей памяти все, что только помнит, и применить свои знания к этой планете. Я тоже стараюсь изо всех сил. Но эти знания можно будет сохранить, только имея грамотное поколение и налаженное образование, хотя бы на самом низком уровне. Мы разобрали машину, но использовали лишь тот металл, который никак нельзя отнести к механизмам, остальное все аккуратно сложено в сухом сарае, до лучших времен, даже гайки, болты и саморезы. Все это позволит в будущем наладить станки и начать производить что-то более совершенное, чем косы и лопаты. Вейн, что бы ты ни думал, но там, на берегу Байкала, ты решил не просто спасти свое племя, ты решил создать новый народ. Если хочешь – цивили-

лизацию. Но если ты будешь все время оглядываться назад и вздыхать по ушедшим временам, то у нас ничего не получится. Из помощника ты превратишься в нашего противника.

– А с противником разговор короткий.

– Глупости не городи. Просто я пытаюсь сказать, что у нас лишь один шанс выиграть – тянуть воз в одной упряжке и в одну сторону. Даже если есть более легкий путь, который мы не рассмотрим и попрем через сплошные буераки, мы пройдем. Если мы начнем метаться из стороны в сторону и уж тем более навязывать друг другу свое мнение в поисках наилучшего пути, то можно сразу складывать руки, потому что времени на бесплодные споры и теории у нас нет. После того как уйдем мы, с нами уйдут и наши знания. Жизнь человека коротка, а может и внезапно оборваться. Сделать же нужно столько, что века, отведенного человеку, для этого не хватит. До той поры, как я лягу в сырую землю, мне хочется точно знать – я сделал все, что в моих силах, чтобы дать моим потомкам толчок вперед. Хочу, чтобы те знания, которые сегодня попросту не нужны, но понадобятся в будущем, были сохранены.

– Взойдешь на костер.

– Что?

– Я говорю, взойдешь на костер. Здесь не закапывают умерших.

– А, ну да. Слушай, ты меня не путай. Какая разница, ты ведь понял, что я хотел сказать.

– Успокойся. Конечно, понял. Лебедь, рак и щука. Я помню, мы в школе учили.

– Ага. Крылов просто умничка, лучше и не скажешь.

– Ну что же. Давай тянуть в одну сторону. Только ты меня не забывай одергивать, я ведь жизнь прожил среди них, и мне тоже нужно перестраиваться.

– Насчет этого не беспокойся, одерну.

– Вот и договорились. Когда планируешь начать выплавку железа?

– Думаю сначала закончить с обустройством поселка. Еще месяц – и можно приступать к выполнению задуманного. Но уже завтра отправлюсь валить деревья. Леса там в избытке, и это радует.

– А зачем тебе лес? Выжигать уголь?

– Нужно устроить механический молот, и желательно не один. Руду нужно дробить, а потом извлеченные крицы проковывать, выгоняя из них весь шлак и мусор. Адова работенка даже для взрослых и крепких мужиков, а тут будут дети.

– А справятся? Может, с Табуком и Гаруном ты горячишься?

– Конечно, будет трудно, но лучше уж так, чем тот пример, который будут показывать охотники. А насчет угля – нет у меня возможностей для организации его выжига. Озадачь местных. Те, кто пожелает, пусть подходят, я научу, как его делать и какие породы для этого необходимы. Ой, вот только не надо на меня так смотреть. Говорю же, никаких централизованных и принудительных поставок. Десять полных больших лодок угля надлежащего качества – один топор.

– Ого. Не многовато ли просишь?

– Нормально. Ты даже не представляешь, сколько этого угля будет уходить. Просто жуть. А из одной крицы хорошо если выйдет четыре не особо больших топора. Так что это еще и дешево. Очень дешево.

– А как же они будут добывать дрова без топоров?

– С этим решим. Ссужу парой единиц, но не больше. Дальше объяви охотникам, что за каждую кобылу с жеребенком или самку зоба с теленком, которых они смогут привести, также будет даваться топор. Если готовы подождать до зимы, то смогут получить арбалет с тридцатью болтами.

– И как они их поймают?

– Они же охотники, пусть думают. Нам на следующий год нужно будет куда больше пашни. Весь картофель с этого урожая также пойдет на семена, а там еще и чеснок, и лук, и зер-

новые. Пшеницы и ячменя не так много будет, но кукурузы, а в особенности бобов уже изрядно. Последние и в этом году можно было бы посадить в куда большем количестве, но одними лопатами да по целине тяжко. Сделали пробную посадку – поглядим, как пойдет. Но, думаю, все будет в порядке, раз уж они без всякого ухода дают всхожесть.

– Мужчины, вы случайно не ссоритесь? – задорно улыбаясь, подошла Лариса, высоко неся выпирающий живот.

– Ни боже ж ты мой, – тут же открестился Дмитрий, также озаряясь улыбкой.

Первые два месяца она мучилась от сильнейшего токсикоза, Дмитрий даже успел сильно перепугаться. Все же она дитя цивилизации, первенцем забеременела поздно и в сравнении с местными была куда более хилой, а тут родильных домов и женских консультаций нет. На сохранение не положишь и квалифицированную помощь не окажешь. Тем не менее она пока справлялась.

Помогли и кое-какие настойки. Оказывается, если с умом подходить к природной аптеке, то она способна посоперничать с фармакологической промышленностью. Помогли знания местных и то, что Лариса все же, наверное, и вправду не за красивые глазки оценки получала и профессию выбрала не только ради того, чтобы был диплом о высшем образовании.

Мало того. Когда ей полегчало, она начала заказывать Сайне различные емкости, плоски, ступки, пестики и еще много чего. Она собиралась осуществить задумку и создать химическую лабораторию, огорошив Дмитрия требованием выудить из тайников памяти способ получения стекла, а главное – как из одного наделать разных полезных вещей для ее деятельности. Ну и еще кучу всего назаказывала, для чего не пожалела нескольких вечеров и двух листов дефицитной пока бумаги, припоминая, что ей еще нужно для успешной деятельности на ниве науки.

– Это хорошо, что не ссоритесь. Я тут хочу подбросить нашему куратору задание, а если все плохо, то ведь можно и не договориться.

– Все, что в моих силах, Лариса. Только мы же с тобой недавно разговаривали, – не стал разочаровывать ее старик.

– Правильно. Но я как-то не подумала, что все взваливать на свои хрупкие плечи неправильно. Эдак никаких моих женских сил не хватит. Короче, Вейн, нужна бумага. Много бумаги.

– Но местные не умеют ее делать.

– Я тоже не умела. Но помучалась и научилась, тут ничего сложного. К тому же местным не нужно будет ничего высчитывать и придумывать, все уже продумано, пропорции выведены и процесс налажен. Им остается только прийти и принять участие в выделке одной партии, дальше пойдет как по маслу.

– И что они будут иметь взамен?

– Это к Диме, – тут же перевела она стрелки на благоверного.

Можно подумать, он экономист и вот так с ходу способен выдать стоимость того или иного товара. Но с чего-то начинать нужно. Конечно, поначалу будет бешеный разбег: где-то цена будет непомерно высока, где-то занижена. Но ничего, жизнь все расставит по своим местам.

– Я думаю, нож за пять сотен листов – это будет нормально, – почесав в затылке, выдал он. – Ларчик, а с отбеливанием как, получится?

– А ты мне уже лабораторию оборудовал? У меня, кроме керамических изделий, ничего нет, как и помещения.

– Все, сдаюсь. Обойдемся пока такой.

– А помещение?

– Сделаем. Пока не такое капитальное, как дом, но сладим.

С постройкой дома закончили уже к середине июня. А что, тут названий месяцев нет, а с ними оно привычнее. Правда, с календарем тут пока никак, Лариса только приступила

к этому делу, не без помощи Вейна, разумеется. Дому теперь предстояло основательно просохнуть. Внутри находиться не было никакой возможности из-за сырости. На этот раз Дмитрий учел недостатки прошлого строительства и изготовил полноценные оконные блоки. Жить в доме, помещения которого практически не проветришь, оказалось не так удобно. Но теперь все окна открывались, что было куда комфортнее и практичнее.

Кстати, своими руками он сделал только одно окно, второе ваяли ребята Унка и Тынк. Под его контролем, разумеется. Замучили его вопросами и просьбами помочь. Но зато третье было целиком их изделие, от начала и до конца. Новенькие тоже временами крутились вокруг ребят. А то! Это куда интереснее, чем отбывать повинность на вскопке огорода, месить глину или заниматься обмазкой стен. Тут столько всяких занятных инструментов! Они и представить себе не могли, что столько можно сделать из обыкновенного дерева. Это железо просто творит чудеса! А еще вождь сказал, что скоро они будут добывать это самое железо, а потом работать в кузне и делать разные нужные вещи из него. Скорее бы! Интересно же!

Со строительством лаборатории Дмитрий решил также не затягивать. Ларисе нужно предоставить рабочее место для ее изысканий. Домик получился не меньше их жилого, легкой конструкции. Деревянный каркас и толстые камышовые маты, обильно смазанные глиной.

Помещения разделили на три части. Одна комната, самая большая, – под столярную мастерскую. Работать с деревом предстояло много, так что помещение нужно однозначно, к тому же и трудиться будет не он один. Вторая – под гончарную. Не дело пробавляться ремеслами там, где живешь. И третья – под лабораторию Ларисы. Учитывая специфику рабочего места и необходимость хорошего освещения, пришлось выделить под это дело стекла одной из спален, а вместо них рамы в доме затянули пузырями. Пузыри были и на окнах мастерских.

Чтобы никому не было обидно, в другой спальне поступили так же, а стекла пошли пока на хранение, причем все без исключения. Придется обходиться пузырями. Исключение сделали только для общей комнаты, в месте основного времяпровождения в доме. Женщины, конечно, поворчали, не без того, но в конце концов смирились. Правда, Дмитрий явственно понял, что со стеклом нужно что-то делать, не то это может перерасти в такую же проблему, как и воск. Хм. Лучше об этом не поминать, а то можно сразу бежать в лес и искать пчелиный рой.

С оградой тоже управились без особых хлопот. На этот раз Дмитрий решил, что достаточно будет плетня из жердей. Чай, тут таранов нет, а ты поди проломи такую ограду, если через каждые три метра либо ствол дерева, либо солидный столб вкопан. Одним словом, если иметь только местное оружие, то намучаешься пробиваться. Разумеется, можно и поджечь (а уже через месяц жерди высохнут настолько, что полыхнут, как солома), но тут нетрудно обезопаситься – когда дерево высохнет, тупо обмазать ограду глиной.

Глина. Местная оказалась не очень, слишком много песка. На кирпичи еще туда-сюда, но на посуду никак не подходила. С другой стороны, может, это в окрестностях поселка. Нужно пошастать по округе, поискать. Керамическая посуда – это не чугунная. Нет, те изделия, что выходили из-под рук Дмитрия и Сайны, которая управлялась с кругом теперь даже лучше мужа, куда качественнее, чем у местных, и служит такая посуда дольше. Но это огнюдь не металл: замена всяких плошек, горшков, кружек и тому подобного требуется регулярная.

Новоселье Дмитрию отпраздновать не удалось. Когда с обустройством поселка и огорода более или менее покончили, пришла пора выдвигаться к Кровавому склону. Нужно срочно налаживать производство металла. Мало того что он необходим в самом поселке, так ему же еще предстояло стать и основной валютой при расчете с местными. От машины уже остались рожки да ножки, практически все железо переработано и теперь представляет собой множество полезных вещей. Ну да, все было неказистым. Взять хотя бы пилу – это же страшилище

с огромными зубьями. Но тем не менее те две, что он изготовил, вполне работали, как и весь остальной инструмент, также выглядящий далеко не эталоном.

Бурный ручей, который Дмитрий, не мудрствуя лукаво, назвал Рудным, протекал с северо-востока на юго-запад. Он был и достаточно полноводным, и обладал вполне сильным течением, так что с большим колесом привода должен управиться без проблем. К тому же, как утверждал Вейн, поток не перемерзал даже в самые сильные морозы, только по берегам образовывалась ледяная кромка. Это хорошо – производством металла можно будет заниматься круглый год.

Россыпь руды была по правому берегу ручья, но, скорее всего, переходила и на другой берег, занимая большую площадь. Но пока это не имеет значения. Такие объемы им не переработать и за сотню лет. Хотя... За сотню лет объемы, скорее всего, возрастут настолько, что только держись. Но это зависит от многих факторов, так что лучше не загадывать.

А пока на левом берегу, подальше от копоты, которой предвидится много, поставили пару рулов. Не ходить же каждый раз в поселок, тут километров пять, не меньше. Если туда можно добраться весьма резво, используя ручей и реку, бегущие в нужном направлении, то обратно придется выгребать против течения. А по ручью – так только пешком и лодки тянуть за собой.

По правому берегу Дмитрий решил поставить сараи и навесы для складирования угля. Его понадобится много, к тому же необходимо сделать запасы на зиму. Раз уж есть возможность пользоваться механизацией круглый год, грех от этого отказываться. А это черное золото очень восприимчиво к влаге. Или про «золото» – это о каменном угле?

Да какая, собственно, разница. Древесный не менее ценен, а каменный вроде не любой для металлургии подходит. Нет. Не вспоминается ничего конкретного.

Один род решил все же заработать на поставках угля. В окрестностях их стойбища в большом количестве произрастал дуб, что было просто великолепно. Правда, мужчин в роду только двое, но зато имелось и трое мальчиков. Если будут трудиться достаточно усердно, то глядишь – станут настоящими углежогами. Но это в самом лучшем варианте. Охотники все же. Правда, была мысль сделать ставку на мальчиков. Сначала они за топоры расплатятся, а там захотят иметь арбалеты. Обязательно захотят, никуда не денутся. Ножи тоже нельзя сбрасывать со счетов, к тому же они нужны не только мужчинам, но и женщинам в быту очень даже не помешают. Так что в этом году эти ребята будут выжигать уголь как миленькие, а там, может, даст бог, и втянутся. Нет, не взрослые. Дети. Те самые мальчики, которые сейчас помогают своим отцам. Хорошо бы если так, угля нужно будет непомерно много.

Обустройство металлургического комплекса начали с сараев и навесов. Едва закончили один навес, как подошла первая пирога с углем. Ничего так, не халтурят, загружена изрядно. Правда, уголек качеством оказался так себе, очень много мелкого. Ожидать иного было бы глупо, все же первая партия, а она и у него получилась не ахти. С каждым разом будут все больше набираться опыта, а там пойдет-поедет. Но пояснить свою позицию и указать на недостатки Дмитрий все же не забыл. Выслушали, покивали с эдакой ленцой. Но, обращаясь к ним, Соловьев больше поглядывал на мальчиков. Один так себе, считай, и не слушает, скорее глязет по сторонам, этот точно с тропы отцов не сойдет и станет настоящим охотником. А вот двое других слушают очень внимательно. И видно, что вопросы у них есть, только спросить не решаются. Непорядок.

Закончив беседу со взрослыми, Дмитрий отозвал в сторону мальцов, чтобы пообщаться в обстановке, когда они будут чувствовать себя раскованно. Разговор поначалу не клеился, ребята явно робели, но постепенно разговорились, начали сыпать вопросами. Интересовались многим, и по большей части не по делу, но и про уголек не забыли, уточнили пару-тройку моментов. Глазки горят, любопытство в них плещется и задор. Оказывается, папаши весь процесс сбагрили на ребят и это полностью их продукция. Нет, взрослые, конечно, помогали,

там где ребятам совсем уж было не управиться с тяжестями, но в целом... А что вы хотите – род кормить нужно, а значит – охотиться. Вот такие пироги с котятами.

Закончив с разгрузкой угля и отправив восвояси гостей, начали ладить плавильный горн. Оно вроде как и рано, надо бы поначалу все же подготовить механизм привода, ведь это не только механический молот, но и автоматизированная подача воздуха в горн, тоже важно. Однако только кажется, что все так легко. Горн не просто нужно поставить – следует дать ему просохнуть, потому как иначе он в самый ответственный момент может пойти трещинами.

Для постройки Дмитрий использовал все тот же кирпич-сырец, благо его требовалось не особо много. Горн представлял собой кувшинообразную конструкцию высотой не выше метра двадцати и внутренним диаметром в самом широком месте около девяноста сантиметров. Кверху он сужался до тридцати сантиметров. Ни дымохода, ни еще чего сверху не было, загрузка должна осуществляться через верхнее отверстие.

Дно горна устилала монолитная плита из песчаника, тщательно обработанная и гладкая, имеющая впадину, где должна образовываться крица. Углублению была придана форма, чем-то напоминающая форму для выпечки хлеба. С помощью этой небольшой хитрости Дмитрий хотел изначально придать крице хоть какую-то конфигурацию, чтобы ее было удобнее обрабатывать. Слишком поздно пришло осознание, что сам горн также можно было построить из того же песчаника, а не мучиться с изготовлением кирпича. Но ничего страшного, он первый, но далеко не последний.

Оставив небольшой пандус у дверцы для выемки крицы, остальную часть по кругу засыпали глиной на высоту чуть выше края углубления в дне. Установили три керамические трубки под углом градусов сорок для поддува воздуха мехами. Также оставили пандус и с другой стороны, где устроили отверстие, пока закрытое пробкой. Это для слива шлака перед извлечением крицы.

Выложив горн, они обмазали его все той же огнеупорной глиной. Вообще-то нужно будет озаботиться поисками этого материала где-нибудь в окрестностях, ведь не навозишься за тридевять земель. Ладно, озадачит этим вопросом охотников, пусть, кроме мяса, занимаются и другими делами. Кстати, и образцы камней из разных мест пусть собирают. Он, конечно, не геолог, но чем черт не шутит, пока Бог спит.

Устройством горна Дмитрий занимался всего с одним помощником из мальцов и управился буквально за день. Табук и Гарун с остальными ребятами увлеченно заготавливали необходимые доски и брусья из поваленных ранее и успевших подсохнуть деревьев. Дмитрий, глядя на это, ухмылялся. Вот что значит правильная мотивация. Стоило объяснить, что они будут работать ровно столько, сколько потребуется для завершения водяного колеса, а потом здравствуй охота, как их словно подменили. Энтузиазм, работоспособность – одним словом, взрыв на макаронной фабрике, ни о какой лени и речи быть не может.

Ничего удивительного. Дмитрий служил в армии, а потому, что такое дембельский аккорд, знал не понаслышке. Все просто. Большинство объектов в воинской части строится силами солдат этой самой части. Строится с переменным успехом, зачастую ни шатко ни валко, потому как солдаты тут же уподобляются рабам на плантации и работают спустя рукава. Это не означает, что они гонят сплошной брак, но работают медленно, с ленцой. С одной стороны, для таких рабочих бригад есть кое-какие послабления в распорядке дня и их больше никуда не гоняют. С другой – несмотря на все послабления, работать все одно не хочется. К тому же знают, что, как только закончат – прощай, расслабуха. Вот и работают ровно настолько, чтобы не вызвать неудовольствие командиров и автоматическую замену на других бойцов.

Знающие командиры никогда не берутся за выполнение работ просто так. Подбирают группу солдат, которым предстоит увольнение в запас, и ставят условие, вполне устраивающее всех. Есть объект. Сдача его под ключ означает их отправку домой на следующий день. Что тут

начинается! Тут лучше бы заранее озаботиться наличием строительного материала в достаточном количестве. Темпы работ зашкаливают так, что Стаханов нервно курит в сторонке. Если объект по нормам должен возводиться за три месяца, то дембеля управятся за один, причем даже если их будет в два раза меньше положенного.

Тут только один момент. Если по окончании работ вы не смогли на следующий же день (или если вышел выходной, то в первый же рабочий день) отправить солдата домой, то этот финт у вас уже не получится. Солдаты все видят и все передают по эстафете. Обмани одних – и другие больше на эту конфетку не купятся.

Дмитрий наблюдал однажды, как командир части, скрипя зубами, с нескрываемым раздражением уволил солдат на три месяца раньше положенного. Ну не захотел он слушать командира роты, который утверждал, что аккорд давать слишком рано. Впрочем, объект нужно было строить, так что и выбора особого не имелось.

А тот ротный и вовсе пользовался этим напропалую. У него были даже отпускные аккорды. Хочешь в отпуск – без проблем. Вот объем работ, закончил – на следующий день уехал. Качество хорошее – добавит к установленному от себя или от командира части. Разумеется, были и такие, что говорили, мол, отпуск нам положен, и никаких гвоздей. Конечно, положен. Вот только эти ребятки ехали в отпуск в последнюю очередь и никак иначе, если только не были отличниками во всем остальном, все же воинская часть. Ну и кому захочется ехать к концу срока службы, когда вот он и дембель не за горами. В этом случае возвращение в часть подобно ломке у наркомана с большим стажем.

Вот и решил воспользоваться данным методом Дмитрий. А что тут поделаешь – без сильных мужских рук с одной детворой эту работу никак не потянуть. Можно только надорвать ребятишек и все одно ничего не сделать. Закончат с этим, а там гуляй, охоться, занимайся чем захочется. Разумеется, это не означает, что Табук и Гарун будут, полностью предоставленные самим себе, жить в свое удовольствие, – просто вернуться к привычному образу жизни. К тому же сразу было оговорено, что если опять возникнет необходимость в мужской силе, то будьте любезны. Согласились сразу. Кто бы сомневался.

Заготовка материала с использованием имеющихся возможностей – та еще морока, а о скорости и говорить нечего, но все оказалось куда сложнее, когда дело дошло до механизмов. Нет, ничего столь сложного, как, например, зубчатая передача, он делать не собирался. Дмитрий отказался от этого не по причине сложности исполнения. Хотя они однозначно возникли бы, в конце концов он бы с этим непременно справился, но тут все дело во времени. Необходимо уже сейчас наладить выплавку металла, так как последние его запасы ушли на изготовление гвоздей и скоб, при помощи которых и собиралась вся конструкция. Так что он решил идти от простейших механизмов. Позже, когда напряжение цейтнота хотя бы немного спадет и появится время, он планировал несколько все усложнить и вместе с тем повысить производительность. Но самая главная цель – это дать толчок на будущее, чтобы его ученики не заикливались на одном, остановившись на определенном этапе на сотни, а может, и тысячи лет.

Сейчас же все должно быть предельно просто и вместе с тем эффективно. С обеих сторон берег немного подсыпали, отчего русло сузилось еще больше, усиливая силу потока. Затем установили массивную раму из бревен, на которую навесили водяное колесо с валом. Имея продолжение, вал входил в следующую раму. Приводы молота и мехов Дмитрий собирался сделать кулачковые, с использованием рычагов. Все просто: на вал навешивается сбитый из нескольких досок деревянный диск со смещенным центром и выбранным сектором. При вращении он воздействует на одно плечо рычага молота, в то время как другое поднимает этот самый молот на достаточную высоту, чтобы обеспечить приличествующую силу удара. Так продолжается, пока в нем не отпадет необходимость, после чего он просто фиксируется в верхнем положении так, чтобы диск его не касался, вращаясь вхолостую.

Покидая эту конструкцию, вал входит в другую раму, и здесь на него навешиваются уже четыре подобных диска с вырезанными под разными углами секторами. Они должны попеременно вздымать меха, наполняя их воздухом. Сдвигаться они будут самопроизвольно, под действием груза на самих мехах. Три меха на плавильный горн и один – на кузнечный. Можно использовать и саму домницу, но Дмитрий не забывал о том, что работать будут подростки, а значит, нужно максимально облегчить их труд, даже если это повлечет пережог угля.

Далее еще две рамы, точно такие же, как и первая. Тут тоже будут навешены молоты. Один – не таких героических пропорций. Он предназначался для измельчения руды, которую предстояло дробить и только в таком раздробленном виде подавать в горн. Второй и вовсе представлял собой деревянный обрезок бревна, насаженный на рукоять. Это для первичной обработки крицы, только извлеченной из горна, чтобы отбить налипший снаружи шлак и мусор. Лишь после этого крица отправится под железный молот.

Как говорится, глаза боятся, а руки делают. Уже через неделю вся конструкция была полностью готова. Исключение составляли механические молоты ввиду отсутствия железных частей. Однако всю конструкцию проверили на предмет работоспособности при полной нагрузке: мало ли, вот вроде все красиво, а колесо возьмет и не потянет. На рычаги молотов навесили большие валуны, общим весом превышающие предполагаемые рабочие части. Все работало достаточно исправно и, как показалось Дмитрию, даже с изрядным запасом. Что ж, это не может не радовать.

В настоящий момент конструкция имела незавершенный вид. Ну да тут ничего удивительного. Все закончится – или, если быть более точным, заработает как надо, – после того, как будет добыт первый металл и изготовятся молоты и наковальня. Под измельчение руды и деревянный молот пойдут каменные валуны, для этого их вполне достаточно. Сейчас ковать будут тоже на камне, но это дело весьма ненадежное, камень никак не сможет заменить железо.

Вот что уже могло работать – это меха, к тому же горн успели просушить и он готов принять первую партию руды. Дмитрий с откровенной досадой осмотрел получившийся у него металлургический комплекс. Да-а. Местные, конечно, взирают на все с нескрываемым удовольствием и даже восхищением, но ему прекрасно видна вся неказистость выполненных работ. Ну а чего он, собственно, хотел? Когда за дело берется куча дилетантов, из которых только один имеет общее представление, как все должно выглядеть, стоит не критически осматривать получившееся на выходе, а удивляться тому, что это вообще работает. К тому же, несмотря на корявость, вроде выполнено все достаточно прочно. Ладно, время покажет.

Перво-наперво горн прогрели, запустив только один мех. После этого засыпали углем до самого верха, на него высыпали килограммов семь-восемь измельченной руды и запустили остальные меха. Постепенно прогорающий уголь опускается вместе с рудой. Когда доходит примерно до середины, вновь засыпается уголь до самого верха и опять такое же количество руды. Процесс пошел.

Не все получилось сразу и так, как хотелось бы. Сначала сделали пять повторений. Извлекли пробку, слили шлак. Потом настала очередь дверцы. И наконец из раскаленного и пышущего жаром нутра горна на свет божий извлекли первое железо этого мира. С формой было так себе, переработанной руды оказалось явно недостаточно, чтобы заполнить всю выемку в плите.

Глядя на раскаленную пористую массу, Соловьев испытал настоящее торжество. Вот он, первый металл, созданный своими руками! Оказавшись на воздухе, крица тут же начала остывать, отчего ее цветовая гамма стала постепенно меняться и походить на застывающую лаву, подобную картину он наблюдал только на экране, но больно уж похоже.

Не теряя времени, он ухватил клещами губчатую массу и водрузил на валун под деревянным молотом. Стопорный рычаг высвободил молот, и тот с силой опустился на крицу, раз-

брасывая по сторонам уже спекающийся шлак и куски несгоревшего угля. Несколько ударов, снова застопорить молот в верхнем положении. Теперь предстоит проковка.

Обработка первого образца оказалась делом весьма трудным и муторным – кувалда отнюдь не отличалась героическими пропорциями. Дмитрий вымотался до последней стадии. Хорошо хоть Табук и Гарун, с увлечением наблюдавшие за процессом, добровольно изъявили желание помочь ему в этом деле, иначе все было бы куда мучительнее. Постепенно дело шло на лад, и вскоре у них имелся слиток прокованного железа. Качество металла еще предстояло выяснить, но он есть, и это самое главное. Первое железо этого мира получено.

Из загруженных около сорока килограммов руды получилась примерно двадцатикилограммовая крица. Выход готового железа составил килограммов четырнадцать, не больше. Слабовато. Но с другой стороны, процесс пошел. Опять же вспомнить, каков процент получения металла в подобных горнах, он не мог, как ни насиловал свою память. Да к черту все. Вот оно, готовое железо, полученное полностью своими руками. Может, и слабо, может, и качество оставляет желать лучшего, но оно есть. Дальше будет набираться опыт.

За день успели провести еще одну плавку, завершив весь цикл и получив еще один слиток. На выходе получилось практически то же самое, что радовало особо. Даже если они что-то делали не так, повторение результата говорило о том, что скорее всего это худший из возможных.

Можно бы перерабатывать и куда большие объемы руды, но Дмитрий слишком ограничен по весовым характеристикам. Основная тяжесть работ должна была лечь на плечи мальчишек, а как им ворочать чересчур тяжелые раскаленные крицы? Так что и дальше все будет происходить по этой методе.

На следующий день все прошло намного удачнее. Процесс плавки занимал примерно часа два. С учетом того, что приходилось каждый раз приводить горн в надлежащий вид, им удалось провести четыре плавки и в общей сложности получить на выходе около ста килограммов железа. Из полученного металла отковали большой молот. А уже при помощи него выковали наковальню, которая с успехом встала на место валуна, и второй малый молот для дробления руды.

Третий день был знаменателен тем, что весь процесс проделали сами ребята под неусыпным контролем со стороны Дмитрия. Ребятки с неподражаемой важностью орудовали инструментами, гордые оказанным им доверием. Увесистую крицу ворочали по двое. Вроде с таким весом может справиться и один, но тут и взрослому мужику не особо удобно работать с раскаленным металлом при помощи клещей, о детях и говорить нечего. Вторая плавка прошла гораздо легче, третья и четвертая – и подавно. Правда, к последней ребята сильно умаялись, и Дмитрий решил, что трех раз вполне достаточно.

Все бы ничего, но когда Соловьев провел инвентаризацию, то схватился за голову. Необходимо срочно как-то организовывать систематическую поставку угля, потому как те четыре пироги, что доставили новые углежогы, были полностью выработаны. Это же просто уму непостижимо, в каких количествах расходовалось топливо! Интересно, а как при таких расходах их предки умудрились не вывести леса подчистую? Или все же дело в том, что ввиду неопытности имеет место банальный перерасход?

Завтра ожидалась новая поставка угля, опять доставят четыре пирога, после чего будет вновь заложена новая, уже третья партия. Возьмутся ли за дальнейший выжиг мужчины этого рода, решительно непонятно. Вроде должны бы, но кто его знает. Может, все же намекнуть Вейну, чтобы тот обязал парочку родов приняться за изготовление угля? Не хотелось бы. Когда люди сами осознанно делают свой выбор, в силу обстоятельств или еще чего-то, толку от этого гораздо больше.

Да и здесь, похоже, нужно ставить отдельный поселок. Сейчас потребность в металле еще не так высока, но все равно. Пока обеспечишь каждый рул хотя бы одним топором и ножом

да предоставишь каждому охотнику минимум по ножу, уже получается неслабо. В день же удаётся выдать около полусотни килограммов железа. Маловато будет. Он, конечно, поставит еще один горн: с имеющимися силами обработать такое количество вполне реально и выход увеличится вдвое, но все одно мало. А главное – угля явно недостаточно.

Вечером состоялся самый настоящий праздник. Табук и Гарун подстрелили кабанчика, и все с жадностью набросились на свежатину. Дмитрий сдержал слово и предоставил им свободу действий, чем они и не преминули воспользоваться, когда весь процесс механизации был запущен. Удачно получилось, ничего не скажешь.

Мужчины сидели в сторонке и с нескрываемым удовольствием взирали на то, как бесятся мальчишки. Откуда только силы берутся? Ведь целый день в жару, копоты, под беспрестанный стук железа, а вот поди ж ты. Сразу заметно отсутствие девочек. Разошедшиеся мальчишки всячески стараются выпятиться, похвастать, но перед ними были их товарищи, которые могли похвалиться тем же самым. А вот покрасоваться перед девчатами – это же совсем другое дело. Ничего, вот придет воскресенье, обязательно отправятся в поселок, чтобы отдых получился по-настоящему полноценным.

– Времена поменялись, – вдруг ни с того ни с сего заговорил Табук. Судя по тону, которым он это произнес, разговор предстоял серьезный.

– Пока еще нет, но поменяются обязательно, – согласно кивнув, подтвердил Дмитрий.

– Для чего тебе все это? Железа у тебя хватает. Огород даст много. Сам говоришь, на следующий год припасов хватит на всех и мяса столько уже будет не нужно. Голод в наши рулы не войдет и кочевать не придется.

Ого. Вот это выдал. Такая длинная речь от Табука, да и вообще от местного, дорогого стоит. Да еще и перемежает слова местные и русские. Ну да оно и ясно, нет у них эквивалента словам «железо», «огород» и другим специфическим. Но ведь и иные словечки вставляет. Вот послушаешь, не глядя на него, и все понятно без жестов. Хотя он и орудует руками, но это привычка. Тут главное другое – даже взрослые понемногу начинают лопотать на русском. Скорее всего, дело в том, что местный язык очень беден, а вот русский дает простор для общения, с памятью же у аборигенов все в порядке, вот и начинают пользоваться. Коряво, с непередаваемым акцентом, но тем не менее. Это хорошо. Это радует.

– Железа у нас пока мало даже для нашего рода, – возразил Дмитрий, – но главное – это не мы. Главное – это все племя сауни. Мы сейчас пробуем сделать так, чтобы можно было обойтись без кочевий, где нам не удастся выстоять против других племен. А жить на одном месте и не пользоваться огородами не получится. Так не прокормиться.

– Но мы можем сделать оружие, и тогда один род сумеет прогнать два рода хакота, бугов или магаков.

– Как же они это сделают, если в родах осталось так мало охотников? Вспомни схватку с волками, а волки – они не люди.

– На большой охоте роды сойдутся вместе. С новым оружием даже женщины смогут дать отпор охотникам. – Последнее Табук высказал с явным неудовольствием.

Как видно, то обстоятельство, что женщины обзаводятся оружием и он лично этому потворствует, ему ой как не нравится. Ну и что с того, что настоящим мужским оружием они не смогут воспользоваться, а по плечу им только детский арбалет? Сам факт, что у женщины в руках оружие, – это уже из ряда вон.

– На большой охоте – возможно. А что будет, когда роды вернутся на зимние стоянки? Ведь племена просто так не отступят, они не испугаются вас – потому что вас мало. А значит, вы должны будете показать свою силу. Как вы это сделаете? Правильно. Убив много врагов. Простят вам это хакота и другие?

– Нет, не простят, – твердо заявил Табук.

– Не простят, – повторил за ним Дмитрий. – Они придут на ваши зимние стоянки и станут мстить. К тому же им захочется получить ваше оружие. Ничего хорошего из этого не выйдет. Есть только один выход – оставаться здесь, в ваших лесах, и научиться жить так, чтобы голод и нужда не приходили в ваши рулы. Пока вы здесь, пока другим племенам не нужны ваши леса, вы в безопасности.

– А что будет, когда они захотят наши леса?

– Они придут сюда.

– Но зачем тогда нам отсиживаться здесь, как последним трусам, если все так?

– Затем, чтобы стать сильнее. Не понимаешь? Ладно, слушай. Если мы научимся жить на одном месте, если голод забудет дорогу в наши дома, то нас станет много и у нас будет оружие, которого нет у других. Пусть тогда приходят. Мы их встретим и прогоним, да еще и пойдем к их рулам, чтобы объяснить, что к нам можно ходить, чтобы дружить и менять одни вещи на другие, но не грабить и не убивать. Но чтобы это случилось, нужно работать. Много работать. А еще учиться.

– Как нас станет много? Смерть всегда рядом с нами.

– Правильно. Очень многие женщины готовились стать матерями, и детей в племени должно было появиться очень много. Но вышло так, что немало женщин умерло, так и не дав жизнь, еще больше умерло детей. Но скажи, сколько женщин умерло у нас? Скольких детей мы потеряли? Сколько погребальных костров было у нас в роду?

– Ни одного, – ничего не понимая, посмотрел на Дмитрия Табук.

– А почему?

– Так захотел великий дух.

– Великий дух не всегда вмешивается в нашу жизнь, уж я-то знаю. Он нам помогает, направляет, но он не следит за каждым нашим шагом. Вот скажи, отчего вы позволяете мальчикам баловаться так, как им захочется, и хвалите их, даже когда они могут разбиться насмерть? Почему, если с одного дерева упал какой-то ребенок, вы не запрещаете залезать на него же и другому? А ведь и он может упасть и погибнуть.

– Но как тогда из них получатся настоящие охотники? – глянув на Дмитрия, как на слабого головой, ответил Табук.

– Вот и великий дух так же. Мы – его дети и он позволяет нам резвиться, чтобы мы выросли сильными и могли сами о себе позаботиться. Он не всегда вмешивается в наши дела, как и вы в проказы детей. Вот скажи, если у ребенка что-то не получается, ты делаешь все за него или объясняешь, как это нужно сделать?

– Если ребенок не будет делать сам, то он ничему не научится.

– Правильно. Великий дух показывает путь, подсказывает, как нужно делать, но остальное в наших руках. В наши рулы не пришла смерть, потому что мы сами не дали ей прийти. Лариса не дала. Ведь были же болезни, но она вылечила заболевших, заставляя пить настои даже против желания больных. Если бы не это, то у нас были бы смерти. В рулы сауни пришла беда, и племя стало слабым. Если мы будем держаться за старое, то мы все погибнем. Но великий дух мудр. Чтобы помочь вам, он направил сюда меня и мою жену. Мы не хотели этого, мы не стремились к этому, но он ведет нас по жизни своими тропами. Вейн сумел раскрыть наше предназначение, и нам ничего не остается, кроме как идти по этому пути. Все, что я делаю, – я делаю, выполняя волю великого духа. Но я не могу все сделать за вас. Без вашей помощи у меня ничего не получится.

– Но если так, то почему ты не призовешь сюда мужчин? Если Вейну известна воля великого духа, то он может указать путь всем. Этот труд очень тяжел для детей. Если будут работать взрослые, то можно добыть больше железа.

– У сауни нет другого пути, кроме того, который указывает великий дух через меня. Но, идя по этому пути, нужно много работать. Посмотри на себя и Гаруна. Разве вам нравится

трудиться? Вы готовы бросить работу, чтобы убежать на охоту, хотя голода в наших рулах нет. Не смотри на меня так. Я не обвиняю вас. Я не говорю, что вы виноваты. Вы так жили всегда. Поэтому вам трудно начать жить по-другому. Я всегда стараюсь все делать с детьми, чтобы они научились жить по-другому. Только так сауни смогут выжить.

– Значит, мы тебе мешаем? Мы мешаем племени стать снова сильным?

– Я вас не обвиняю, – тут же поспешил откреститься Дмитрий. Не хватало еще, чтобы возникли какие-то непонятки. – Вы живете так, как вас научили ваши родители, научиться жить по-другому всегда трудно.

– Но ты тоже жил по-другому?

– Да. Нам было жить куда проще. Там, откуда мы пришли, нет таких трудностей, а то, что я сейчас делаю, просто детская забава. Но там нужно много разных знаний, а знать всего человек не может. Я никогда не делал того, что делаю сейчас, так что тоже учусь.

– Для чего?

– Потому что этот путь указал мне великий дух. Конечно, он не требует от меня ничего. Если я стану просто жить, не испытывая ни в чем нужды, он не поразит меня молнией. Он просто расстроится. А я не хочу его расстраивать. Он не станет наказывать и сауни, если они не захотят пойти тем путем, который он указал. Когда станет совсем плохо, вы станете его спрашивать, за что он вас наказывает. Но ведь это вы не пожелали пойти тем путем, который он вам указал. Нельзя взрослого человека, тем более охотника, заставить что-то делать, он должен захотеть этого сам. Когда дети подрастут, я никого не стану заставлять заниматься выплавкой железа или работать в кузнице. Они сами сделают свой выбор. Захотят стать охотниками – будут ими.

– Но нас ты заставлял.

– А разве я великий дух? Разве я не могу ошибаться? Вот и с вами я ошибся. Но я не боюсь признавать свои ошибки. Поэтому вы сегодня занимаетесь тем, что считаете нужным.

– Мясо нужно роду.

– Нужно. Но разве у нас есть недостаток в мясе?

Ага, призадумался. Ну подумай, подумай. Конечно, апука и копченое мясо никак не заменят свежатинку. Да, подобное питание уже успело приесться, но ведь голод и вправду не грозит роду. Придет осень, и они смогут снова добыть мясо баканов, к тому же здесь неподалеку обнаружилось еще одно стадо, не придется ехать на озеро. Как добыть – тоже не проблема. Просто нужно немного потрудиться и изготовить «скорпион», эдакий арбалет-переросток. Соловьев не без оснований предполагал, что этого окажется вполне достаточно, чтобы завалить мамонта.

На будущий год и вовсе все будет в шоколаде, картофеля вырастет в достатке и он из семенного фонда перейдет в фонд припасов. Хотя... Если местные захотят заняться земледелием, скорее всего, придется посидеть без картошки. Все же нужно будет поделиться. Не стоит забывать и о бобах. Всходы они дали хорошие, и наверняка урожайность будет ничуть не хуже, чем в диком поле, а то и лучше. Так что голод роду точно не грозит.

– Свежее мясо не заменить, – все же выдал свое Табук.

– Согласен. Но кто сказал, что мы не сможем получить его от других охотников взамен на топоры, ножи, лопаты или арбалеты?

– Значит, ты отпустил нас охотиться не потому, что нам нужно мясо, а потому что мы ленивые?

– Вы не ленивые. Вы просто не привыкли так работать, а заставить вас нельзя.

– А тебе нравится так работать?

– Кому это понравится? Если заниматься чем-нибудь одним, например работать только в кузнице, то это мне нравится. Хотя раньше я этим и не занимался, а сейчас вот нравится. Но я не могу заниматься только этим, потому что мне нужно многому вас научить.

– Мне казалось, тебе нравится все, что ты делаешь.

– Не все. Но если работать с неохотой, то очень скоро захочется все бросить, вот я и ищу в любом деле что-то хорошее. Выжигать уголь скучно, и после этой работы ты такой грязный, каким не будешь после кузницы. Но уголь нужен, чтобы работала кузница. Строить все это, – Дмитрий махнул рукой в сторону водяного колеса, – было интересно, а вот возиться с плавкой железа – не очень. Слишком жарко, слишком тяжело, слишком грязно. Но зато получается железо, которое очень нужно сауни. Но главное не это. Есть наши желания, а есть долг. Вот что самое главное. Мы должны сделать все, что от нас зависит, чтобы наши дети жили лучше, именно поэтому я работаю так много и буду работать дальше. Я ни о чем не жалею, разве только о том, что я один и не могу успеть везде, а дел слишком много.

Никогда бы не подумал, что у него есть дар убеждения. Более того, он был уверен, что аргументы у него корявые, а объяснения неубедительные. Одно дело – заставить трудиться рыбаков в своей бригаде, которым, по сути, и деваться-то некуда. Ну да, работать не хочется, но и выхода другого нет, так что нравится тебе это или нет – пахать все одно придется. К тому же на фоне прочих работа эта неплохо оплачивается, есть бонусы в виде кормов для скотины, дармовой рыбы, да и домашняя «пила» не так «пилит». У местных подобных стимулов нет: заняться есть чем, «пила» полностью покорна их воле и молча несет свой крест. Но вот удивительное дело – оба охотника вдруг изменили свое отношение к происходящему.

На следующий день Табук огорошил Дмитрия тем, что заявил о намерении плотно заняться выплавкой металла. Он даже собирался перевезти сюда всю свою семью, но Соловьев его отговорил. Да, заготовка металла очень важна, но дробить свои силы в настоящий момент он считал неразумным, о чем и поведал охотнику. Стойбище металлургов должно просуществовать до поздней осени, после чего механизмы будут законсервированы до весны.

По всему выходило, что за это время они заготовят что-то около шести тонн железа и даже немного больше, поди еще его переработай. За день Дмитрий мог изготовить два топора, а это около четырех или пяти килограммов железа. Конечно, со временем он поднаберется опыта, но все одно переработка будет значительно отставать от выплавки. Когда местные научатся кузнечному делу и появится хотя бы несколько кузнецов, они с легкостью переработают производимое, но пока об отдельном поселке и круглогодичной плавке железа говорить рано.

Конечно, он думал о том, что производство металла будет вестись круглый год, но то была необдуманная радость. Помните анекдот? Приходит мужчина к доктору и говорит: «Доктор, дайте мне таблетки от жадности. И побольше, побольше». Вот нечто подобное периодически происходило и с Дмитрием, когда он хотел объять необъятное.

По сути, он сам загнал себя в тупик, когда подкинул Вейну идею, что выплавку металла может производить только род Пса. Мол, великий дух распростер над ними руку и способен охранить их от козней своего младшего брата. Тот же в злобе своей будет исходить жидким огнем, дабы помешать посланцам старшего брата. Вот теперь и пожинай плоды собственной непредусмотрительности. А так бы объявили, что плавить металл могут только мужчины-сауни, и тогда он смог бы высвободить руки, которые занялись бы переработкой металла в полезные вещи. С другой стороны, поди уверь этих упрямцев, что нужно упахиваться на домницах. Табук и Гарун – это скорее исключение, да и то убедить их принять решение отказаться от прежнего образа жизни ему удалось только собственным примером, изматываясь на работах до последнего.

Почему и Гарун? А все просто. Он изъявил желание учиться кузнечному делу. Вот так вот в одночасье поселок лишился двоих своих охотников. Ну не то чтобы совсем, выходные все же оставались за ними, вот только, подобно Дмитрию, они решили давать себе перевести дух лишь один день в неделю. Хм... Зря он все же сравнивал этих парней со своими рыба-

ками. Те тоже наблюдали, как бригадир пашет, себя не жалея, выкладываясь по полной, однако никакой пример не мог их вдохновить на такую же самоотдачу. А вот эти прониклись.

На следующий день простоя в связи с исчерпанием запаса угля не случилось. Углежоги доставили сразу две пироги. Хотя и с запозданием, но процесс возобновился. Мало того, вместе с этими парнями прибыли и представители другого рода, которые также были готовы поставлять уголь взамен на инструмент и оружие. Вернее, акцент был поставлен иначе, в первую очередь их интересовало оружие. Арбалеты произвели фурор, после того как разнеслась весть о зимнем происшествии, когда трое охотников и двое мальчиков сумели перебить целую стаю волков. Но Дмитрий их охладил: лопаты-то они могли использовать и из дерева, как и поступали другие, но без топоров им будет ой как трудно. Так что акценты поменяли.

Углежоги также удивили Дмитрия, заявив о своем желании продолжить столь плодотворное сотрудничество. Вот только их интересовали теперь ножи и арбалеты. Сговорились о цене. Не сказать что она была дешевой для аборигенов, но что поделать – хорошие игрушки дорого стоят. Зато у Дмитрия появилась уверенность, что поставки угля станут постоянными и увеличатся в объеме. Вот теперь можно без боязни закладывать вторую домницу. Но этим будет заниматься Табук, у Соловьева дел хватало и без того.

До конца недели успели изготовить еще один молот и наковальню. Нужно организовывать новую кузницу, и ее он собирался устроить максимально автоматизированной. С одной стороны, молотом махать – то еще удовольствие, с другой – не исключен вариант, что работать будет один кузнец. Ну и как управляться без помощника? Детвора, традиционно принимавшая участие во всех работах, была в этом плохим подспорьем.

Наконец субботним вечером они загрузились на пироги и спустились в поселок. Ну да, Дмитрий и Лариса не стали заморачиваться и попросту ввели свой календарь, с днями недели. Разумеется, были учтены те лишние дни, что имелись в местном году, ну а дни недели – они и есть дни недели. К ним приучали простым и эффективным способом, делая упор на определенных событиях. Еженедельный осмотр у медика, то есть у Ларисы: для мальчиков – во вторник, для девочек – в среду, для женщин – в четверг. Народу мало, так что можно это проводить и в один день, но посчитали, что так будет лучше. Ну и, разумеется, выходной – воскресенье. Было в планах и еще кое-что, но всему свое время, сразу даже кошки не родятся.

Кстати о кошках. Грызуны начинали уже становиться проблемой. До бедствия было еще далеко, керамическая посуда вполне защищала от тех, кто пытался посягать на запасы людей, но это пока этих запасов не так много, дальше будет куда хуже. Сам факт того, что эти соседи все же появились, настораживал. Дмитрий читал, что до появления кошек их предки пытались приручать для борьбы с грызунами самых различных животных: и лис, и ласок, и хорьков – вот только те никак не могли взять в толк, отчего им нужно гоняться за мышами и крысами, когда есть куда более доступная добыча в виде домашней птицы. Вопрос, конечно, будущей перспективы, но надо бы его не упустить. Интересно, а кошки тут вообще имеются?

Как ни странно, но обитатели Нового не просто обрадовались возвращению «блудных попугаев», но еще и организовали самое настоящее застолье. Оказывается, оставшиеся мальчики с успехом сумели прошерстить камыши и раздобыть много птицы. Металлургов ожидали с нетерпением. Всем были интересны их достижения в новом начинании.

На столе оказалась не только птица, было еще мясо. И это заслуживало особого внимания. Дмитрий поначалу не придавал этому никакого значения – ну заяц и заяц. Однако когда впился зубами в истекающий соком кусок, то обнаружил, что вкус несколько отличается. Он удивился данному обстоятельству, но каково было его удивление, когда он узнал, что этот зайчик – вовсе не зайчик, а как бы самый натуральный кролик. Ну да, дикий, но все же кролик.

При всей схожести кролики и зайцы различаются, и очень сильно. Дело не только в том, что у их мяса разный вкус. И не в том, что кролики не обладают той скоростью, которую способны развить зайцы. Кролик мельче, имеет более короткие уши, иную масть, куцый хвост,

несколько иную форму головы. Но все это ерунда. Самое главное отличие, во всяком случае для Дмитрия, в том, что кролики проживают целыми колониями, придерживаются определенной территории, производят многочисленное потомство и заботятся о нем. Наконец, они легко приручаются и без особых последствий переносят неволю. Этому способствует тот факт, что большую часть своей жизни они проводят в норах. Кролики – это не только ценный мех... Знакомо? Вот именно!

Все указывало на то, что первыми одомашненными животными в этом мире будут не собаки, а кролики. И Дмитрий был обеими руками «за». Собаки, конечно, имелись, но они и без того домашние, к тому же к этому миру не имеют никакого отношения. Кстати сказать, Герда и Лайка куда-то запропастились, покинув поселок с интервалом в две недели. Только бы это был просто зов природы, а не что похуже. Было бы очень жаль, что все закончилось, так и не успев начаться.

В выходной день все дружной толпой направились к тому месту, где были обнаружены ушастые хулиганы. Почему так? Ну, если их не вывести, они доставят много хлопот будущему сельскому хозяйству. Так что Дмитрий собирался поймать несколько особей, чтобы посадить их в клетку и начать одомашнивать, а остальных нужно истреблять, всячески поощряя в этом деле ребятишек. Конечно, появится необходимость в притоке свежей крови, но эту проблему можно относительно легко решить, изловив хотя бы пару-тройку самцов. Сейчас главное – чтобы они прижились в неволе.

Трудно переоценить важность этого зверька для человека. Дмитрий знал одного дедка, который с легкостью перенес все перипетии девяностых только благодаря тому, что всю сознательную жизнь держал кроликов. Они исправно снабжали его необходимым мясом, излишки и шкурки шли на продажу. Нет, у него с бабкой были и коровка со свинками, но дед с гордостью заявлял, что выдюжили они именно благодаря кроликам.

Охота оказалась удачной. В принципе Соловьеву не было необходимости принимать в этом участие самому, но он не смог отказать себе в таком удовольствии. Найдя центральный вход в нору, они установили напротив него перевернутую корзину, один край которой подперли палочкой с привязанной бечевкой. Простенько и со вкусом. Прождать без движения пришлось около часа, но по прошествии этого времени один зверек, осторожно оглядываясь, все же появился на свет божий, а вскорости оказался накрытым корзиной.

Первый улов был очень удачным. В ловушку угодила самочка, что говорило о полном триумфе предприятия. В сезон размножения крольчихи редко бывают не на сносях, так что очень высока вероятность того, что эта вскорости принесет потомство. Однако после первой же удачи Дмитрию срочно пришлось сворачиваться и, неся трепещущую от страха добычу, направиться в поселок.

Признаться, он слабо верил, что им вот так просто удастся изловить свою добычу, а потому не озаботился клеткой. А может, оно и к лучшему. Вот сделал бы клетку, а сажать туда некого. В конце концов, соорудить ее легко. Тут всего-то нужны жерди и навык в увязывании их в некую конструкцию. И то и другое имелось, остается только затратить немного времени.

Так уж вышло, что выходной оказался для него как бы и не выходным вовсе, но Соловьев чувствовал себя отдохнувшим, бодрым и полным сил. Еще бы! Такая удача! Если кролики приживутся, это будет просто великолепно. Сейчас в клетках четыре самочки и два самца. Уже немало. Тот дедок рассказывал, что кролики котятся круглый год, если им предоставить необходимые условия, а именно – теплый сарай. Но об этом пока не могло быть и речи. Максимум, что он может сделать, – это устроить некую постройку из камышовых матов, на большее попросту нет времени. Так что для увеличения поголовья у них есть срок только до осени.

Хм... Дело выгорит, если эти красавцы захотят жить в клетках, а ведь очень даже могут и лапки откинуть. Получается, опять его занесло куда-то не туда. Нужно наловить еще несколько особей. Оно и для гарантии, и для скрещивания полезно будет. Если есть одна коло-

ния, то наверняка найдется и другая. Озадачить ребят – и эти проныры еще не то разыщут, больно ушлые. Правда, отпускать их слишком далеко от дома рискованно. Решено. Просто предупредит, что при обнаружении другой колонии они должны будут поймать несколько зверьков, никаких специальных поисков. А в окрестностях мальчишкам бегать никак не запретишь.

Дмитрий чувствовал, что время утекает, как вода сквозь решето, что он находится в постоянном цейтноте. Слишком много задач и слишком мало людей для их решения. Словно мало было проблем, так тут еще и эти кролики. Их же кормить нужно. Значит, пора организовывать сенокос. Впрочем, его все равно нужно организовывать, ведь прошел же заказ на отлов лошадей и зобов. Может, он слишком торопится? Да нет, чтоб ему... Не торопится.

Картошка родит просто исключительно. Если не думать о других, то они вполне могут уже с этого урожая прокормиться, но нужно позаботиться о том, чтобы обеспечить семенами остальных. Конечно, не многие решат заняться огородничеством, но скорее всего такие будут, да и у него посадочного материала на всех никак не хватит.

Кукуруза тоже порадовала. Правда, из десяти зерен взошло только семь, но хорошо уже то, что всходы есть, а то мало ли, вдруг зерна повредились или были недозревшими. Но сейчас нужно трястись над каждым всходом, тогда царица полей у них будет, а у нее урожайность повыше, чем у пшеницы или ячменя. Черт! Нужно собираться и двигать на озеро. Мало того что там их стратегический зерновой запас, так ведь там же и чеснок, высаженный еще по осени. Господи, ну и когда с этим всем управляться!

Бобы тоже ласкали взор. Им, видимо, пришлось по вкусу, что о них проявляют заботу, пропалывают, а от этого и влага хорошо сохраняется, и с конкурентами бороться не надо. Дмитрий был уверен: если организовать полив, то урожайность будет куда выше. Но пока есть то, что есть. На вкус они чем-то напоминали фасоль, да и внешне на нее похожи. Может, это и есть предок известной Дмитрию культуры, а может, и совсем другая. Кто знает? Уж не он, это точно. Главное, что на огороде бобы чувствовали себя превосходно и вполне могли разнообразить стол.

Лук все же умудрился вызреть и дать семена. Сейчас он дружно взошел на грядке, но ни в этом году, ни в следующем в котел никак не попадет. Разве что года через два, когда его будет достаточное количество. Да и то сомнительно. Если хотя бы несколько родов возмутся за земледелие, на что Соловьев сильно рассчитывал, то за это время им не успеть даже обеспечить всех посадочным материалом.

Сильно волновал вопрос с подсолнечником. Из трех семян всход дала всего одна семечка, и Лариса тряслась над ним, как над сокровищем. Уже и пугало соорудили, чтобы никакой крылатый разбойник не добрался, и чехол из москитной сетки она приготовила, хотя и берегла ее для будущей пасеки. Тут уж не до прижимистости, потому как второго шанса не будет. А подсолнечник – это не просто посидеть на завалинке семечки полужгать, это в первую очередь постное масло.

Итак, все говорит о том, что уже на следующий год им понадобится увеличить пахотные площади вдвое. Хм... Вообще-то пока вскопанные. И это с учетом того, что уже сегодня их огород занимает площадь в треть гектара. На посадку для будущего года этого хватит, но уже к следующему площадь должна приблизиться к гектару. Да что там говорить – уже этой осенью нужно поднять еще участок целины. Ведь бобы пошли, а тут с семенами проблем практически нет.

Вручную, одними лопатами, с такими площадями никак не управиться. Тут нужен плуг и, соответственно, тягловое животное. Ты поди еще вырасти ту лошадку или бычка, чтобы они встали в упряжь. О том, чтобы запрягать взрослых животных, не может быть и речи. Хорошо, если удастся добиться, чтобы они не передохли и выкормили жеребят и телят. Да и мало того, что этим деткам надо вырасти, – нужно еще, чтобы они были к людям настроены нормально. Что-то подсказывало Дмитрию, что выбраковка предстоит серьезная. Обязательно

найдутся особи, в которых дикая кровь будет противиться соседству с человеком. Да что там: вон давно одомашненные животные у них на Земле порой обладают таким несносным характером, что хозяевам ничего не остается, кроме как, горестно повздыхав, вести их на живодерню. А ведь тысячи лет живут рядом с людьми. Что уж говорить о недавно вырванных из дикой среды обитания. Поэтому если хотя бы треть окажутся нормальными, это уже удача.

Эх, Гарун, Гарун. Ну никто тебя за язык не тянул и ни к чему не принуждал, сам сделал свой выбор. Теперь только держись. В понедельник с раннего утра Табук со своей бригадой отправился к Кровавому склону, его задача – выплавка металла, а вот им из мастеровых предстоит переквалифицироваться в крестьян.

Полноценно отдохнуть и расслабиться Дмитрию так и не удалось. Мало того что целый день провозился с кроликами, так еще вечером пришлось засесть за письмо. Нужно было в точности записать все свои наблюдения, а также описать весь процесс выплавки металла. Не забыть сделать чертежи механизмов, что они сделали, да еще и постараться начертить и более сложные механизмы, которые пришли на ум, пока работал. Ко всем этим чертежам (или, если быть более точным, – схемам) приложить пояснительную записку – что, куда, откуда да зачем. Работы не на один вечер. Там на руднике возможности такой не было, а вот здесь очень даже появилась. Ну и к чему тогда откладывать в долгий ящик? Пока в поселке, нужно восполнять пробел.

Кстати заметить, несмотря на низкую оплату, желающих изготавливать бумагу нашлось довольно много. Охотники попросту озадачили своих женщин и детей, а те принялись за производство столь необходимой продукции. Лариса даже заметила, что им такое количество вроде и ни к чему. Но решили, что бумага есть не просит, – создадут запас. Когда начнется обучение, то тут уже не об излишках придется говорить, а о недостатке. Пока под склад отвели чердак, но нужно подумать и о помещении для рабочего места жены. Опять все упирается в нехватку людей. Ну некогда сейчас заниматься этим. А ведь надо. Кровь из носу надо.

С раннего утра отправились на сенокос. Был большой участок на левом берегу Тихой, где стояла густая и пока сочная трава. Самое то, чтобы заготавливать сено. Еще зимой Дмитрий озаботился тремя косами. Были изготовлены и несколько серпов, но серп – это для ребяташек или женщин. К примеру, чтобы запастись кормами для кроликов, этого вполне достаточно, а вот о более масштабной заготовке при помощи такого нехитрого инструмента не может быть и речи.

Косы получились корявыми, как и все, что выходило из-под молотка Дмитрия, но, по идее, должны работать. Во всяком случае, он постарался придать лезвию необходимую форму и задать нужный угол. Металл он закалил насколько возможно, но все одно – ничего общего с известными ему образцами.

Косить он умел: в свое время ему пришлось поработать этим древним крестьянским инструментом столько, что практика была весьма богатой. Нет, он никогда не держал домашнюю скотину, тут все дело в его прежней деятельности. Будучи бригадиром в рыболовном хозяйстве, он постоянно принимал участие в выкашивании высокой травы и камыша вокруг водоема, создавая тем самым трудности для воров. Разумеется, основная работа проделывалась косилкой, но трактор мог подойти далеко не везде, поэтому недоступные технике участки косили вручную.

Коси коса, пока роса. Старая крестьянская поговорка. Так ведь все оно из жизни берется. Во-первых, раннее утро подходит для косьбы, потому как все еще прохладно. Во-вторых, коса легко скользит, укладывая аккуратные валки. Вот взойдет солнце, истает роса и работать сразу станет тяжелее.

Гарун явно недоволен тем обстоятельством, что они покинули кузню и оказались посреди поля, да еще и с непонятным инструментом. Нет, для чего он, «Дим» объяснил, еще когда они

ковали первый образец. Кстати, перековывали раз пять, пока получилось что-то похожее на то, чего хотел их вождь. Вот только он-то собирался заниматься в кузне, а тут такое дело. Вейн, конечно, сказал, что великий дух совсем даже не против, если они начнут приручать некоторых животных, наоборот, он прямо указывает на это через своих посланцев. Но для чего все эти сложности? Ведь живут же животные на воле, и никто им корма не заготавливает.

А йошки-матрешки! Вот же привязалось. Нужно хотя бы поинтересоваться у Дима, что это вообще значит. Гарун с явным неудовольствием выдернул из земли воткнувшееся лезвие косы. Вождь показал, как с ней управляться, и у Гаруна вроде что-то начало получаться. Валок не такой ровный, стерня не равномерная, как у Дима, но все же получается. Однако это только до той поры, пока он постоянно следит за собой. Стоит только отвлечься, как тут же что-то происходит: то коса пойдет слишком высоко, то вот, как сейчас, воткнется в землю. Второе случается гораздо чаще.

Гарун посмотрел вперед. Дим уже движется навстречу. Работает как то колесо, что они установили на ручье, словно и не устал вовсе. Ничего, он говорит, что все приходит с опытом, вот и он научится. Они уже многому научились, а вождь говорит, что нужно будет научиться еще большему. Подумалось об охоте, и будто что-то заныло в груди. Ну да, в лесу куда привольнее и привычнее. Гарун встрепенулся и взял себя в руки. Он в первую очередь не охотник, а мужчина, который должен сделать все для того, чтобы поднять детей и племя. Все в их руках. Он не может допустить, чтобы спасение сауни легло на плечи детей, а ведь именно на мальчишек в первую очередь рассчитывает вождь. А как же они? Разве они не мужчины? Разве они не достойны такой чести? Челюсти сами собой сжались до скрежета, он поудобнее перехватил косу.

Фш-ш-ших. Фш-ш-ших. Фш-ш-ших. Ага! Получается! А йошки-матрешки! Гарун опять извлек из земли лезвие и обер пучком травы. Великий дух, да когда же он приручит эту косу! Фш-ш-ших. Все же нужно будет узнать, что означает это самое «йошки-матрешки». Уж очень к месту выходит.

На третий день, когда у Гаруна уже получалось вполне сносно, Дмитрий задействовал последнюю косу, приставив к ней сразу двоих ребят из старшеньких, что оставались в поселке. Пусть учатся. Младшенькие уже вполне освоили серпы. Заботу о кроликах он практически полностью возложил на ребят. Это их лепта. Охота и рыбалка, конечно, хорошо, но если наладится с кроликами, то от этого пользы будет даже больше. О зимних припасах позаботятся старшие, а вот на каждый день – это ребятки пусть сами управляют.

Невольники первые два дня не прикасались к еде и питью. Дмитрий уже начал всерьез волноваться. Издохнут. Как есть издохнут. Но, несмотря ни на что, он распорядился регулярно менять корм и воду. И вот на третий день кролики захрумлили, опасливо косясь по сторонам. Да коситесь вы сколько хотите, только ешьте.

Еще через несколько дней Дмитрий и Гарун отправились на сбор урожая к озеру. Соловьев волновался, не припозднились ли они, ругая себя за то, что постоянно откладывал поездку под тем или иным предлогом. До самого прибытия на место он не находил себе места, но, как выяснилось, волновался зря. Пшеница стояла, словно известный оловянный солдатик. Ячмень полег, но тем не менее не осыпался. С чесноком тоже все в порядке, подспели вовремя. Вот если бы еще задержались, тогда могла случиться проблема.

Против ожидания никто на их бывшей стоянке так и не появлялся. Гарун внимательным образом осмотрел все и не нашел никаких следов. Посевы также никоим образом не пострадали, и это радовало особенно: очень даже был возможен вариант налета каких-нибудь грызунов или птичек. Дмитрий вполне допускал подобную мысль, но вынужден был смириться, махнув на все рукой. Что-нибудь да останется, а там начнет все сначала. Не пришлось.

В общей сложности удалось собрать граммов по двести пшеницы и ячменя. Точнее можно будет сказать только в поселке, когда взвесят на аптечных весах. Ага, имелись у них

такие. Дмитрий сам соорудил. А вес гирек, отлитых из свинца, подобрали, используя лекарства: там навеска очень точная, поэтому есть все шансы, что с весом у них четко, как и с метрической системой. С последним гораздо проще: в инструментальном ящике Дмитрия имелся штангенциркуль. Если ты связан с сельхозтехникой, которая постоянно ломается, то без него никуда. У Дмитрия даже микрометр есть, все-таки с нынешними запчастями, которые клепаются по подвалам, чего только не купишь. Ох и не любили его за это владельцы магазинов. А нечего фигню всякую продавать.

Как ни старались, но к обустройству кузницы сумели приступить только через неделю. Дело в том, что по возвращении они застали в Новом четверых охотников, доставивших столь долгожданный товар, а именно – лошадь с жеребенком и трех зобов с телятами. Вторые породавали, так как там было два бычка и телочка, а вот с лошадкой вышел конфуз. Мальчик. Придется мамку обхаживать так и эдак, а потом еще и думать, как ее свести с каким конем. Но это не беда. Главное, чтобы выжили.

Пришлось терять время и строить загон да изготавливать путы, чтобы добыча не разбежалась. Ох и намучились. Животные проявили весьма дурной характер и полное непонимание человеческой прихоти. Но, слава богу, обошлось без членовредительства с обеих сторон. Правда, нервы помотали обе стороны изрядно. В конце концов, пришли к некоему перемирию. Звери смирились с путами и с тем, что их при помощи поводков из веревок выводили на пастбище и возвращали в загон. А люди больше ни на что не посягали.

С поводками Дмитрий пока ничего особого не придумал. Для кобылы изготовили широкий кожаный ошейник, к которому привязывалась веревка. Тут бы не помешал недоуздок, но было две проблемы. Первая: его изготовление требовало времени, да еще и подгонять нужно под животное. Вторая: пришлось бы затратить куда больше сил, чтобы приучить ее к подобному украшению. Ошейник же она восприняла полегче, так как с веревкой на шее уже была знакома несколько дней, пока охотники доставляли свою добычу в Новый. Коров и вовсе привязали за рога.

Можно, конечно, обустроить большой загон и по мере того, как трава будет уничтожаться, делать дополнительное ограждение, увеличивая площадь. В конце концов, животных не так много и решить вопрос с выпасом, используя несколько трудоемкий и в то же время простой способ, вполне реально. Но тут все дело в том, что животные должны общаться с людьми, чтобы процесс приручения был успешным. Ежедневные прогулки на пастбище и обратно в загон этому вполне будут способствовать. Ну нет пока времени на большее общение со скотиной.

Хм... Это смотря у кого. Мальчишки, например, очень даже сдружились с малышкой. Поначалу и четвероногие, и двуногие дети шарахались друг от друга. Правда, двуногие – все больше по причине нахождения поблизости мамок. Взрослые животные побаивались мужчин, но не проявляли никакого пиетета по отношению к женщинам и детям. Когда же молодой стал отбегать подальше от матерей, то контакт наладился довольно быстро. Что ж, возможно, все-таки Дмитрий зря волновался и что-то у них получится. Тьфу-тьфу-тьфу – чтоб не сглазить.

Глава 2

Раскол

Не сказать что жарко, но ничего так, тепло. Печки, притулившейся в углу, достаточно, чтобы поддерживать в небольшом помещении комнатную температуру. Дмитрий даже свитер снял, оставшись в легкой кожаной рубашке. Подшерсток у мамонта оказался вполне мягким, а главное, свитер, связанный Ларисой, был очень теплым.

При мысли о Ларисе на губах сама собой заиграла улыбка. А отчего не улыбаться, когда все так замечательно обернулось. Как ни удивительно, но роды у нее прошли довольно легко. Вернее, это ему сказали, что все просто замечательно, – когда у нее начались схватки, он места себе не находил.

Угроздило же оказаться дома в этот момент. Она кричит – он трясется. Она в крик – он в панику. Ребенок заверещал, так он чуть не грохнулся в обморок, испытав нешуточное облегчение от того, что все в порядке. Вообще-то рано обрадовался, крик ребенка вовсе не означает, что во всем порядок, но Дмитрий воспринял это именно так. Слава богу, так в итоге и оказалось.

После родов Ларису словно подменили. Она стала какой-то по-особому тихой и приветливой, даже на фоне того, что от той стервозности, что была на Земле, уже давно не осталось и следа. Но нет-нет начинает пилить, мол, где мебель, которую обещал. Кстати, ее-то он сейчас и ладит. Опять начала наседать по поводу нерадивости мужа, не озаботившегося такой вкусятиной, как мед. Однако это нормально. Если женщины не будут время от времени пинать мужиков, те могут очень уж облениться. Вон у местных женщины слова сказать не могут, и что? Живут в каменном веке и лодыря гоняют. Поэтому женщина – это двигатель прогресса. Хм. Хорошо хоть с освещением наладилось, во всяком случае, стало куда лучше, а то бы...

Табук и Гарун вовсе не думали забывать об охоте. Оно и в рационе разнообразие, и душу мужикам отвести, а то от постоянной работы свихнуться можно. Так вот, они не забыли о просьбе Дмитрия и тащили ему всякие образцы, точно запоминая, откуда что взяли. Разумеется, при несостоятельности Дмитрия как геолога пользы от этого не слишком много. Может, полезного они принесли куда больше, чем он сумел рассмотреть, но тут он просто бессилен.

Из всего найденного и принесенного ими он сумел использовать только три образца. Первый – это глина. Место располагалось недалеко, и по качеству она куда лучше, чем на озере. Теперь за производство посуды можно не волноваться. Дело это полностью в свои руки взяла Сайна. Причем наловчилась ладить посуду так, что брака практически не было.

Второй образец – известняк. Прокалить его и получить негашеную известь оказалось не столь уж трудно, хотя с первого раза не получилось. Ну да у него это скорее норма. Теперь постройки щеголяли побелкой, а внутри стало уютнее и светлее.

А вот третий образец... Дмитрий даже не представлял, что существует такое. Он очень походил на воск, был бурого цвета и имел запах. Не просто запах – он пах керосином. Соловьев попробовал его поджечь и заметил, что тот плавится. Недолго думая расплавил образец, соорудил простенькую такую свечу и поджег. Копоть, разумеется, присутствовала, как и легкий запах керосина, но не сказать что больше, чем при горении летучей мыши. А главное, получилась готовая свеча. Этого эрзац-воска в том месте обнаружилось довольно много, и делать из него свечи оказалось очень даже просто. Присутствовало лишь одно неудобство. Корзины, груженные этим минералом, приходилось нести за спиной километров шесть по пересеченной местности. Но это не беда. Можно и потерпеть¹.

¹ Речь идет об озокерите – горном воске. Природный углеводород из группы нефти, иногда условно относимый к минералам.

Дмитрий отложил инструмент, подошел к печке, открыл дверцу и подбросил дров. В мастерской ладить русскую печь не стали, слишком громоздкая. Решили поставить обычную. Благо металл для колосников и дверцы имеются, нужно было просто изготовить потребное, что с успехом и воплотили в жизнь. Печка только топилась из мастерской. Установленная посередине, она отапливала сразу три помещения – лабораторию Ларисы, гончарную Сайны и вот этот столярный цех.

Он осмотрелся по сторонам. Все же тесновато, но ничего не попишешь, зато тепло и работать одно удовольствие. А трудиться приходилось много, очень много. Это же уму непостижимо, насколько местные оказались жадными до оружия! Ну вот кто объяснит, о чем вообще думают охотники? Всеми завладела милитаристская лихорадка. Даже те, кто помогал с переездом с озера и кому была обещана плата мясом, вдруг встали на дыбки и потребовали оплаты арбалетами. Ага. Сейчас все брошу, только шнурки поглажу. Уговор дороже денег. Дмитрий все же изготовил «скорпиона». Получилось не сразу, пришлось помучиться, но результат вышел положительным. Из засады удалось положить двух мамонтов. Не в один день, а в течение нескольких, но тем не менее. Так что и себе запасы сделали, и по долгам расплатились.

Так эти умники все одно изловчились. Кто-то сумел изловить животину – теперь в Новом было аж три кобылы с жеребятами, хорошо хоть последние были с девочками. Один сумел в одиночку изловить и доставить еще одну самку зоба с телочкой. Остальные подвизались поставлять уголь. Его требовалось очень много, но поставки явно превзошли все ожидания. В конце концов Дмитрий был вынужден объявить, что в этом году заказы на арбалеты больше не принимаются. Ну их. Понаташат столько, сколько им ну никак не нужно. Угля хватило на бесперебойную работу горнов до самой поздней осени и даже осталось. Пришлось предпринять меры, чтобы не отсырел. В поселке изрядный запас, которого с легкостью хватит до лета.

С животными тоже не слава богу. Прикинув имеющееся поголовье, пришлось устраивать осенний сенокос. Тут ведь и кролики, которые не только ценный мех. Ребятки изловили еще четырех самок. Выжило всего пять и один самец, но эти паразиты так адаптировались, что теперь в клетках проживало сто голов. Их перераспределили, чтобы избежать перекрещивания: по всему выходило, что больше половины пойдет на забой. Кстати, не сказать что это обстоятельство понравилось Табуку и Гаруну. Охотники, что с них взять.

Случился с этими пушными зверьками и конфуз. Несколько кроликов перегрызли прутья, скреплявшие жерди клеток, и пустились в бег. Разбойников изловили, но факт Дмитрию очень даже не понравился. Ревизия показала, что от массового побега их отделяло совсем мало времени. Пришлось откладывать все в сторону и переделывать клетки, затратив пару дней на изготовление гвоздей. Практика показывала, что и толстые жерди эти паразиты тоже очень даже грызут, хоть это и давалось сложнее. Так что добавилась еще одна забота – постоянно следить за состоянием жилищ их стратегического запаса.

Из бивней мамонтов получилось сделать мелкие гребенки, которые женщины не только использовали по прямому назначению, но и вычесывали ими кроликов, пустив на пряжу полученный пух. Выходило немного, но уже хоть что-то. К тому же у них имелся и подшерсток мамонтов. Лариса даже намекнула на изготовление механической прялки, но Дмитрий пока отменил эту просьбу за несостоятельностью. Дел и без того невпроворот, а запасы шерсти невелики. Она бы еще ткацкий станок потребовала. Всеу свое время.

Порадовали его прежние соседи. Хотя почему прежние? Волки и сейчас оказались по соседству. Рохт, умница, по-другому и не скажешь, сумел каким-то образом решить вопрос с Вейном. Тот достучался до прародительницы-волчицы, которая была вовсе не против, чтобы ее потомки сменили место своей стоянки. Теперь стойбище Волков располагалось на другой стороне открытого участка, южнее Нового, на берегу ручья, впадающего в Дон.

Так вот Рохт, конечно, тоже очень хотел заполучить арбалеты, но решил сделать совсем уж необычный заказ. Борясь с собой и все время косясь на арбалет Гаруна, с которым тот никогда не расставался, вождь Волков заказал лопаты, тяпки, топоры и столярный инструмент.

А еще оговорил условия, при которых они смогут получить семена картофеля. Как видно, хождения в гости не прошли бесследно. Сикайя, жена Рохта, весьма подробно выспрашивала про огород. Очень удивилась, когда узнала об урожайности бобов. Да, те требовали ухода, но урожай получается куда больше, чем когда собираешь бобы в диком поле. Возможности картофеля ее и вовсе впечатлили.

Не остался Рохт равнодушным и к кроликам, но предпочел пока воздержаться. Хитро подмигнув Дмитрию, он заявил о намерении сначала поглядеть, что из этой затеи выйдет. А что, правильная позиция. Если все получится, то будет перенимать опыт, а если нет, так зачем же тратить попусту силы?

Заказ вождя был выполнен в первую очередь. Род, решивший осесть на земле, – это дорогого стоит. Дмитрий отложил все в сторону и работал над изготовлением инструментов не покладая рук и практически без сна, едва не нарвавшись на протест со стороны Гаруна. К счастью, когда у того лопнула терпелка, они уже закончили и Дмитрий отпустил его сразу на два дня, чем задушил недовольство на корню.

Волки расплатились с Псами работой. Именно благодаря им был поставлен сарай для скотины. Неважно, что животные дикие и прекрасно выживают сами: житье домашней живности должно резко отличаться от той, что на воле, не только ограничением последней, но и более комфортным обитанием. Так что помещения были светлыми и просторными.

Волки же помогли с устройством овощехранилища – никак иначе получившийся обширный погреб и не назовешь. Был отрыт и полностью подготовлен будущий ледник. Очень напрягало отсутствие холодильника, а теперь этот вопрос практически решен.

В итоге заказ Рохта обошелся Волкам куда дешевле, чем остальным. Дмитрий намеренно сделал это и всячески распространял об этом слух. Умные сделают правильный вывод, глядишь – на будущий год еще кто решит начать ковыряться в земле, наступив на горло гордости охотника. Тут ведь решение за мужчинами. Что же касается женщин, так они на все согласны.

Дверь легонько скрипнула, и в помещение ворвался холодный воздух, а вместе с ним, окутанный облаком пара, пристукивая ногами, обутыми в зимние мокасины, и отряхивая таким образом с них снег, вошел старик. Это мог быть только один человек – Вейн. Во всем племени, которое сейчас по численности недотягивало и до тысячи, нет никого, кто бы мог с ним сравниться по возрасту. Впрочем, Дмитрий не без оснований полагал, что таковых не найдется и во всех четырех племенах.

Прокатившийся мор унес четыре пятых от общего числа племени, и в первую очередь погибли именно старики. Все были убеждены, что Вейна отметил своей волей сам великий дух. Только Дмитрий, Лариса и сам верховный шаман, в прошлом Максим, такой же выходец с Земли, как и они, знали, что причина в другом. Судя по всему, моровое поветрие было простой корью. Так что никакая воля великого духа не спасла бы Вейна, не переболел он этой болезнью в детстве, причем на Земле, где медицина была совсем на ином уровне и успешно боролась с этим заболеванием.

Вслед за мокасинами шаман отряхнул снег с шапки и плеч. Выходит, опять зарядил снег, и, похоже, крупный, вон как присыпало дедка. Но оно и к лучшему, зато не так давит мороз. Через окно, затянутое пузырем, и свет-то проходит не в достаточной мере, куда уж тут рассмотреть, что делается на улице. Однако Дмитрий вполне приноровился, благо на зрение никогда не жаловался. Еще немного – и начнет темнеть, тогда уж запалит свечи, в которых нет недостатка.

Интересно, что это Вейна принесло? Понятно, еще только начало зимы, нарваться на голодную стаю волков пока без вариантов. Морозы еще не сильные, а сегодня так и вовсе,

считай, тепло. Но отмахать километров тридцать, хоть и на лыжах, а не на снегоступах, чего-то да стоит, тем более в его возрасте. С другой стороны, крепкий такой дедок, жилистый и выносливый, эдакий живчик. Дмитрию приходилось наблюдать, как он пару часов кряду танцевал не останавливаясь, в довольно приличном темпе, а потом еще всю ночь приплясывал и горлачил свои камлания. Это он с духами так общается, хотя и знает точно, что все это профанация чистой воды. На авторитет работает и на суеверие местных. Одним словом, здоровье у старика в порядке, но все одно – тридцать километров...

– Здравствуй, Вейн.

– Привет, Дмитрий. Сегодня вроде воскресенье, я думал, сядем в доме, супруги твои меня чаем угостят, – а ты в мастерской. Тебе ведь требование выставили в воскресенье отдыхать.

– Выходной – это хорошо, но кое-что откладывать никак нельзя. Так что жены благословили.

– А что же Табук и Гарун?

– На охоту убежали.

– Охотиться? Сегодня? Снег валит так, что видно шагов на сто, не дальше, следы засыпает – не успеешь чихнуть.

– Ты думаешь, что понимаешь в охоте больше их?

– Лодыря гоняют.

– Да не лодыри они. Теперь уже нет. Упахиваются так, что жилы на кулак наматывают, но вот отвлечься им нужно. Поэтому что бы не случилось, в воскресенье я их сам из мастерской или кузни выгону, даже если захотят остаться.

– А сам что же?

– Так ведь для личного пользования. Потому и добро получил от жен. Вот мастерю шкафчик. При чем же тут они?

– И много еще?

– Чуть осталось.

– Ну что стоишь? Заканчивай, раз уж так-то. Потом пойдем чай пить.

Чай. От того чая только название и осталось. Пили они отвары из различных трав, а в основном из шиповника. Причем ни о каких сладостях и речи не шло. Летом в лесу обнаружили плодовые деревья, наварили пастилы. Она получилась разной: одна кислая настолько, что куда там лимону, скулы буквально выворачивает, другие помягче. А одна получилась так и вовсе кисло-сладкой. Что за плод, непонятно, очень похож на кизил, но нечто иное, незнакомое.

Кстати, проявляя дальновидность, Дмитрий озаботился тем, чтобы пересадить более трех десятков деревьев помоложе и не отличающихся героическими пропорциями поближе к Новому. Ну да, свой сад совсем не помешает. В будущем планировалось увеличивать посадки, чтобы витамины на зиму можно было заготавливать без особых проблем.

В чаепитии для Вейна самым главным было не то, каким напитком его будут потчевать, а сам процесс питья из самовара. А что, Дмитрию тоже очень даже нравилось. Вот пристроил его в устье печки, чтобы дым по комнате не гулял, вскипятишь – и за стол. Вейну очень нравилось самому наполнять кружку горячим отваром. Романтика, йошки-матрешки! Но скорее все же ностальгия. Да и тянуло его к землякам, хотя сауни были его семьей и все его чаяния были направлены на благо им.

В погребе, помимо овощей, имелся запас фруктов. В принципе это были только яблоки. Не сказать что они отличались приятным вкусом, какие-то горько-кислые, да еще и рот вяжут, но это смотря когда их вкушать. Если, к примеру, осенью, так ну его к лешему. А вот зимой сам собой потянешься и с огромным удовольствием схрумкаешь пару-тройку, хотя потом и обопьешься воды.

Зато ребятня повадилась таскать яблочки с завидной регулярностью, вход-то в погреб свободный, только дверь не забывай закрывать. Лариса поначалу радовалась этому обстоятельству, пока не заметила, что витамины идут вовсе не в рацион ребят, а очень даже худобе, что в сарае стоит. Детишки через эти яблоки вполне подружились даже с взрослыми особями. Ну как подружились. Во всяком случае, те у них с рук вполне себе едят и не пытаются лягнуть или куснуть. Тоже немало, если разобраться, иначе как за ними ходить и убирать все то, что они гадят? За скотиной в основном ухаживают женщины, но и ребята в стороне не остаются. Хм... Женщины тоже были замечены в задабривании животных. Ну да оно и к лучшему, только сомнительно, что с такими темпами те яблочки долго протянут. Ничего, на следующий год заготовят побольше. Да сами ребяташки в первую очередь и расстараятся.

Дмитрий глянул на недоделанный шкафчик, но потом махнул рукой. Ладно, в следующий выходной доделает. В рабочие дни никак не получится, слишком много заказов, которые хочешь не хочешь, а выполнять нужно. Но и Вейна заставлять ждать не хотелось, ведь ради этого чаепития сколько отмахал.

– Потом закончу. Пошли.

– Ты заканчивай, заканчивай. Я тут посижу рядышком, очень напоминает мне это нашу школьную мастерскую. И запахи те же. Вот только не хватает станков. А нет, вон один вижу.

– Это мы для арбалетных болтов смастерили, ну и стрелы на луки тоже можно делать, хотя они и подлиннее.

– Ага. У нас тут многие вооружаться начали. Вот если бы могли, то все в очередь выстроились бы. Но оно больно дорогое, намучаешься, пока его от вас получишь.

– Многих это не останавливает. И пашут как проклятые, и изворачиваются, животину отлавливают. Даже на поднятие целины соглашаются. У нас вон целое поле уже получилось.

– И все за арбалеты. – Не вопрос, утверждение, и тон какой-то задумчивый, словно Вейн и не здесь сейчас.

– Ну да, – ничего не понимая, подтвердил Дмитрий.

– Я вижу, ты и луки делать научил.

– Научил. Простые однодеревки. Точнее, Табук и Гарун рассказали паре охотников, как нужно делать. Несколько охотников с ними уже видел. Так себе изделие, должен заметить, но, наверное, работает, иначе не таскали бы.

– Работает. Правда, требует большой тренировки, но это их не останавливает. А вот у меня не получилось.

– Да не расстраивайся так. Ты ведь только забаву для детей и мог изготовить, тонкостей не знал. Я тоже не ахти какой мастер, но знание кое-каких моментов позволило соорудить нечто удобоваримое.

– «Нечто». Я бы сказал – то, что надо. Работает отлично.

Вот вроде хвалит, но что-то не то. Какой-то он больно задумчивый и даже где-то пришибленный. Полное ощущение, что у него проблем выше головы и он не знает, как их разрешить. Словно загнали мужика в угол. Это Вейна-то, который верховный шаман и чуть ли не судьбой всего племени распоряжается? Ну ведь не из-за того же он расстраивается, что Дмитрию удалось внедрить то, что не смог в свое время сделать он сам? Нет, тут что-то другое.

– Рассказать, что происходит, не хочешь?

– О чем ты?

– Вейн, ты вопросом-то на вопрос не отвечай. Ведь вижу – что-то случилось. Только давай напрямик, а то мне тут голову некогда поднять, могу не заметить и того, что под носом творится.

– Напрямую, значит. Ну слушай. Арбалеты и луки произвели такое впечатление, что у очень многих произошло головокружение. Шаманы ходят по родам и ведут нехорошие беседы с охотниками.

– Уж не принимают ли они нас за исчадия ада? – тут же забеспокоился Дмитрий.

А ну как припрутся устанавливать справедливость. Надо бы с ружьем не расставаться и Ларисе сказать. Конечно, патроны могут и отсыреть, но носить с собой не больше десятка не помешает, безопасность – она дороже боеприпасов.

– Нет, в том, что вы оказались здесь по воле великого духа, никто не сомневается. Более того, шаманы всячески поддерживают это. Вот только они утверждают, что вы и я неправильно толкуем волю великого духа. Не из злого умысла, но ошибаемся. В пользу этого говорит и то, что, изначально неверно истолковав знамения, ты поселился на том озере, в дурном месте, и только мое вмешательство помогло тебе исправить ошибку. И то, что вместо того, чтобы убить хакота, ты наивно отпустил их, а через это в наши рулы могла прийти беда. Опять шаманам пришлось исправлять твою ошибку. Великий дух никак не согласился бы с тем, чтобы охотники начали ковыряться в земле, что заставит их прекратить кочевье. Твой дом был ошибкой с самого начала, ведь его не соберешь, как рул, а значит, своему любимому народу великий дух такое никак не мог присоветовать.

– Получается, тут в прямом смысле готовится заговор.

– Нет тут заговора. Во всяком случае, против нас никто ничего дурного не замыслил. Тут другое. Приручение зобов – это ошибка. Они созданы великим духом для охоты и пропитания. Но, несмотря на все это, посланники великого духа сумели привнести и полезное, за что вам стоит простить заблуждения. Новое оружие, которое позволит малыми силами отстаивать свое право на охоте, – это хорошо. Собаки, которые будут помощниками в защите стойбищ, – это хорошо. Табуки способны помочь кочевать не только по рекам, но и выбирать новые поселения вдали от рек и кочевать по суше, – тоже хорошо.

– То есть все, что может пригодиться в кочевье, ими приветствуется. Все, что может заставить осесть на земле, отвергается.

– Именно так.

– Получается, произошел раскол. Или еще ничего не решено и можно все исправить?

– Исправить ничего нельзя. Это началось слишком давно, и я упустил время. Помнишь, как те, кто помогал тебе с переездом, захотели получить арбалеты вместо обещанного мяса?

– Конечно.

– Неужели ты думаешь, охотники настолько слепы, что из желания получить желанную игрушку станут обречать свои семьи на голод?

– Им нужно оружие, чтобы весной отправиться на большую охоту?

– Именно. Так что началось все давно, только я ничего не замечал. Слишком поверил в свою власть.

– Ты сможешь остановить кочевье?

– Говорю же, слишком поздно.

– И сколько шаманов выступили за это?

– Все шестеро.

– А сколько родов готовы пойти за ними?

– Шестнадцать. И разумеется, самые сильные роды, кроме моего.

Ну, тут сомнений никаких. С наименьшими потерями из случившегося несчастья сумели выйти только те роды, в которых на ногах оставались шаманы. Они в меру своих способностей лечили сородичей и в чем-то сумели преуспеть. Смерти, разумеется, были и там, но все же они не приняли столь катастрофического размаха. Куда хуже оказалось там, где шаманы были преклонного возраста, а это большинство родов, потому что стариков выкашивало в первую очередь. Поэтому получалось, что самыми сильными родами были именно те, где имелись выжившие шаманы, и, безусловно, увлечь свои роды им было несложно.

Всего несчастье сумели пережить двадцать шесть родов. Получается, более двух третей хотят начать кочевье. Остановить их верховный шаман не может. Применить силу? Даже

не смешно. Мало того что это верная гражданская война, так еще и совершенно безнадежное предприятие. Вопреки математическим выкладкам с Вейном останется не треть всех людей, а не больше четверти, но, скорее всего, и пятая часть, тут нужно считать.

– Сколько останется охотников?

– Почему именно охотников?

– Потому что пришла пора готовить армию.

– Армию? Ты хочешь силой заставить их остановиться?

– Я с ума еще не сошел. Не хватало ввязываться в гражданскую войну, да еще и такую, которую мы гарантированно проиграем.

– Тогда объясни, что ты задумал.

– Хорошо. Но давай сначала прикинем, что да как. Ты проводил перепись, как мы договаривались?

– Я сосчитал людей.

– И что получилось?

– Плохо получилось. После мора выжило девятьсот пятьдесят человек. За этот год родилось сто семьдесят три, умерло сто, тут и младенцы, и роженицы, и дети, и взрослые – все.

Да-а, с такими темпами прироста населения далеко не уедешь, и ведь сейчас наблюдается прямо-таки всплеск рождаемости. Опять же часть умерших – это взрослые люди или дети, которые уже начали вносить свой вклад в жизнь племени, из младенцев помощники получаются в лучшем случае через лет семь. И снова свою лепту внесет смерть. Стоит ли удивляться тому, что прирост населения тут очень низкий.

– А что получится после того, как уйдут те шестнадцать родов?

– Останется двести двадцать человек. Из них тридцать девять охотников, семьдесят женщин и сто одиннадцать детей.

– Кисло. – Сказать, что цифры Дмитрия расстроили, не сказать ничего. – Мы тоже в этом списке.

– Нет. Род Пса я никак не считал.

– Понятно. Стало быть, проходим по отдельной графе. Сколько охотников отправится в кочевье?

– Только охотников?

– Остальных считать не имеет смысла. – При этих словах пребывавший и без того в унынии верховный шаман понурился еще больше. – Я понимаю тебя, Вейн, но и ты пойми, они уже потеряны. Никто из них не вернется, а если и вернутся, то единицы: те, кто сможет вырваться из той кровавой бани, что начнется там, на летних стоянках.

– Но почему ты думаешь, что все будет так плохо? Ведь у них есть оружие, которого нет у остальных.

– Во-первых, сколько у них оружия? С учетом того, что мы доделаем и вручим новым владельцам, – это тридцать два арбалета. Маловато будет. Дальше. Охотники начали мастерить себе луки, но они так себе, едва превзойдут по дальности дротики. У них только одно преимущество: охотник обычно носит максимум пять дротиков, лучники смогут нести и сорок стрел, вряд ли они станут мастерить больше, скорее уж меньше. Во-вторых, оружие, конечно, позволит получить преимущество, но не слишком большое. Оружие надо не просто занять, а еще и уметь его использовать с умом. Если бы тогда в лесу мы остались на земле, то стая нас разорвала бы, а мы, может, сумели бы убить штуки четыре, но вряд ли больше. Я использовал возможности оружия из наиболее выгодной позиции, отсюда и результат. Кстати, с людьми такое не пройдет, и нас бы перебили.

– Но почему ты уверен, что другие племена вообще нападут?

– Сколько там будет охотников?

– Сто семьдесят шесть.

– Это все, кто сможет держать оружие?

– Да.

– Что они сделают, когда их попытаются потеснить на охоте?

– Они будут отстаивать свое право.

– Но их никто не станет слушать. Так?

– Скорее всего, именно так.

– И тогда они прольют кровь, чтобы показать, насколько не стоит их трогать. Но это будут не все роды, и убьют сауни не всех. А вот после начнется самое интересное. На сауни навалится все племя. Им не выстоять. Рабства здесь нет, жен из военного похода не берут, потому как никто из женщин не согласится добровольно разделить постель с убийцей их родственников. Остается полное уничтожение. Спасутся лишь те, кто сбежит, а их будут единицы.

– Ты так спокойно об этом говоришь.

– Вот только не надо на меня так смотреть. Давай оставим взаимные обвинения. Я тоже могу сказать, что это ты выпустил ситуацию из рук. Ну и что, будем доказывать свою правоту до хрипоты? Мы имеем то, что имеем, и нам нужно думать, как из этого выбирать. Этих шестнадцати родов, считай, уже нет.

– Жена одного из шаманов – моя младшая дочь, у нее тоже дочь и еще в одном роде два внука.

Ситуация, однако. Дмитрий знал, что у Вейна довольно солидное потомство. С ним в его роде проживал старший сын, который стал вождем еще до мора, были двое уже взрослых внуков, имелись правнуки. Знал Соловьев и о двух дочерях, живущих в других родах. Одна из них не пережила мор, но их никто не отдал бы, потому что род жив и они принадлежат ему. Но Дмитрий как-то упустил из виду, что все они могут оказаться среди тех, кто собирается в кочевье. Старику и без того больно слышать о том, что сауни сами движутся к своей гибели, а тут еще и родная кровь.

– Вытащить их не получится?

– Они принадлежат своим родам.

– Прости.

Повисло тягостное молчание. Дмитрий, поначалу еще мастеровивший шкафчик, и думать забыл о своем занятии. Кой черт шкафчик, когда тут такое творится! Но шанс все еще был. Наоборот, все складывалось даже лучше, чем было изначально. Фактически с доски полностью сметалась вся оппозиция, которая стремилась к прежнему образу жизни. Оставшиеся роды вполне управляемы Вейном и прислушивались к его мнению. Мало того, они внимательно присматривались к тому, что происходит в Новом, в частности к роду Волка. В принципе это можно объяснить и тем, что они прекрасно отдают себе отчет в том, что их слишком мало, но ведь они не одни такие.

Мерзко думать о людях как о голых цифрах, но иначе никак. Иначе можно просто свихнуться. Дмитрию нравились сауни. Прямые, открытые, в чем-то простодушные, хотя и не пушистые. Но он вынужден думать о происходящем отстраненно, он просто не сможет по-другому.

– Вейн, я понимаю, насколько тебе сейчас трудно, но ты должен принять решение. Ты взвалил на себя ответственность за все племя, а значит, не должен думать о своих чувствах. В конце концов, с тобой все еще остаются твои близкие.

– Как ты не понимаешь! Если случится все то, о чем ты говоришь, а я в это теперь верю, то это я виноват в их будущей гибели. Это я взял тебя под свою защиту и устроил все так, чтобы ты мог делать свое дело. Это из-за меня появилось это оружие, а в сердцах шаманов и охотников поселилась уверенность в том, что благодаря ему они сумеют прогнать любого. Это я не уследил за тем, что творится в родах, и слишком поздно узнал о том, что затевается.

– Никто не виноват, Вейн, – резко оборвал шамана Дмитрий. Но затем взял себя в руки и продолжил уже более рассудительно, пытаясь достучаться до растерянного старика: – Даже те шаманы, что призывают вернуться к былому образу жизни, ни в чем не виноваты. Они просто хотят жить, как прежде, и верят, что так будет всегда. Сауни веками жили своим укладом, и в одночасье их не переделать. Им хочется жить привольно. Мы с Ларисой способны приспособиться куда лучше, чем местные, но даже нам было не так легко смириться с резкими переменами в нашей жизни. Был момент, когда Лариса чуть не убила себя, и если бы ей это удалось, то и я, скорее всего, последовал бы за ней. Да что там «скорее всего» – точно покончил бы с собой! Ты говоришь, что в случившемся твоя вина, а я говорю, что ты одержал свою первую победу. Думаешь, издеваюсь? Сам подумай. Двести с лишним человек готовы идти за тобой. Да, это только пятая часть племени, но эта часть готова к переменам. Не надо думать, что этого мало. Я бы сказал, что это очень много. А сауни возродятся. Обязательно возродятся. И если сохранять такие стахановские темпы рождаемости, то уже лет через сорок их будет больше, чем было до мора. Мой род, твой и Волки – яркое тому подтверждение, потому что там выполняются все советы Ларисы и за этот год мы не потеряли ни одного человека. Ты еще сможешь увидеть, как твое племя возвысится над остальными. Хотя их и не станет настолько много, но они уже будут сильнее. И твоя кровь не умрет. Нужно только взять себя в руки и делать свое дело.

– Что ты там говорил об армии? – Тяжко старику, очень тяжело, но думать старается конструктивно. Вот и ладушки. В конце концов, тебя ведь никто не заставлял, сам взвалил на себя такую ношу.

– Ну, армия – это громко сказано, но пришла пора обзаводиться воинами. Теми, кто будет заниматься только одним, – защищать племя от врагов.

– А кто будет кормить их семьи?

– Будет тяжело. Но иного выхода нет. Трудные времена – они во всем трудные.

– Но даже если ты забереешь всех мужчин, то их наберется только сорок один.

– Ты не посчитал себя или меня?

– Тебя, конечно. Себя я вообще не считал. Военный поход – это не камлание с бубном и не пляска у костра. Я стар.

– Это правильно, потому как ты ой как нужен тут, а не в лесу с арбалетом наперевес. А вот меня зря не посчитал. Потому что я возглавляю это войско.

– Об этом не может быть и речи. Ты не сделал пока и малой части того, что можешь.

– Знаю. Но по-другому никак. Лучше сберечь то, что уже есть, чем потерять все. У меня тоже вроде как дети, не забыл? Так что я и об их будущем думаю. Сауни хорошие охотники, но плохие солдаты, а здесь нужны будут солдаты. Никогда не думал, что скажу такое, но боюсь, что лучше меня с этим никто не справится.

– Ты забереешь всех мужчин?

– Нет. Только десятерых.

– Вдесятером против сотен?

– Я тебя умоляю, какие сотни. Ты думаешь, хакота и остальные сумеют организовать такой поход? Максимум две трети охотников из одного рода. Даже два рода вряд ли уговорятся.

– А может, не будет никаких походов?

– Будут. И ты это знаешь. В качестве добычи они возьмут топоры, ножи, луки, арбалеты, но ведь этого всем не хватит, а владеть таким захотят все. Ну и где им все это взять? Правильно, у сауни, и в частности в Новом.

– Но перекрыть такую территорию...

– Это да. Тут не то что пупок развяжется – может, и куда хуже. Но, с другой стороны, путь у них один: вверх по течению Дона, а там уже по притокам. Так что если оседлаем Дон у Байкала, то почти с гарантией перехватим любого.

– Так ты остановишь не всех. Лодки легкие, их можно и перенести. А тогда можно будет дотянуться до любого рода.

– Вряд ли они будут вести себя подобным образом. Во всяком случае, не сразу. Первый год продержимся, а там будем думать дальше. Причем ни Табук, ни Гарун и никто из Волков в этот десяток не войдут. Одни уже кое-что умеют, другие серьезно настроены изменить образ жизни. Так что этих не буду трогать ни под каким видом.

– Понимаю. Но согласятся ли они с таким решением?

– Рохт – умный мужик. А что касается этих двоих – им не впервой наступать себе на горло. Сумели раз, сделают и еще.

– Кстати, сколько арбалетов вы еще не доделали?

– Десяток. Но успеем к сроку, это не проблема.

– Может, не стоит?

– Это еще почему?

– Ведь если все будет так, то ты сам отдашь оружие в руки врагов.

– Оружие и так попадет к ним, и десяток арбалетов погоды не сделает. А потом, это не главное, я же тебе говорил об этом. Да и научатся они его делать в любом случае. Не так хорошо, но научатся. Так что тут мы изменить ничего не сможем. А вот если я обману и не предоставлю обещанного, тогда у тех, кто останется с нами, возникнут сомнения в моей честности. Что еще хуже, меня могут обвинить в том, что из-за этого десятка арбалетов, которые я пожадничал, сауни и проиграют предстоящую битву. Нет, так только хуже. Просто нужно учесть то, что у противника будет мощное оружие, это все, что мы можем.

– Может, ты и прав.

– Ладно, хватит о грустном. Пошли пить чай, темнеет уже.

– Слушай, а ты не думал запрягать собак в сани не только для того, чтобы возить хворост?

– А чего мне думать. Детвора уже всю катается. Но их пока маловато, только восемь щенков.

– Щенки, скажешь тоже. Вон какие морды наели.

Ага. Герда и Лайка никуда не пропали. Природа позвала, вот и отправились искать себе пару, каждая в свое время. А теперь в поселке куражится их приплод. Только вот как бы избежать перекрещивания? Ну да пока еще молодые. Но с другой стороны, лучше бы не запускать этот вопрос. Пожалуй, по весне лучше утащить всех кобельков на рудник, пусть там охраняют, а девочки, как время придет, сами отправятся на поиски пары, как их мамы. Да, пожалуй, так и нужно поступить.

Еще нужно не забыть устроить охоту на волков. Щенки, ну да, здоровые, но все одно щенки, должны вкусить их мяса. Нет, еще одна голодная стая – это мимо. Но ведь волки есть в округе, значит, устроим облавную охоту. А что, выгородить территорию флажками, благо красная краска здесь есть, – и вперед. Если поздние потомки попадались на эту удочку, то это чем хуже? Опять же подвыведут волков в округе – меньше шансов, что соберется голодная стая. Ну да. Подумать же больше не о чем. Тут такое назревает, а он все в домашних заботах пребывает.

Что могло случиться? Отчего верховный шаман объявил большой совет? Такое случается очень редко и только в случае серьезной беды. Но все вроде бы спокойно, так к чему все это? А главное, как все не вовремя! Вот-вот должно начаться кочевье, хорошо хоть он гонцов еще не разослал.

Такунка не был верховным шаманом, он и не стремился к этому, но, похоже, великий дух сам решает, кто будет главным среди несущих людям его волю. Вейн – достойный шаман, уважаемый как среди шаманов, так и среди всего племени. Его отметил великий дух: во время мора он даже не заболел и мало того, сумел спасти многие жизни. В его стойбище было меньше

всего умерших, и род считался самым сильным из всех оставшихся. Двенадцать охотников, восемнадцать женщин и тридцать детей – это очень немало на сегодняшний день. За прошедший год все женщины родили детей, и ни один из них не умер, как не умерла и ни одна роженица. Как это еще назвать, как не волей великого духа?

Нет, сомнений в избранности Вейна не было даже у Такунки. Но была уверенность, что верховный шаман неправильно толкует знамения духов. Конечно, духи предков могут прийти на помощь своим потомкам и превратить свою кровь в это самое железо, чтобы дать им в руки оружие, равного которому нет ни у кого. И великий дух прислал этих чужеземцев, чтобы сауни научились обрабатывать дар предков.

Пришельцы показали, насколько сильно оружие, которое они делают для его соплеменников. Большая стая оголодавших волков, которой по силам напасть на целое стойбище и даже если не перебить всех, то забрать жизни очень многих, пала от рук трех охотников и двух детей. Разве это не знак? Но Вейн слеп. Он не видит ничего. Он поощряет пришельцев. Он хочет, чтобы охотники оставили занятие, предопределенное им великим духом и завещанное их предками, и начали ковыряться в земле, взращивая и собирая для пропитания плоды. Разве это достойное занятие для мужчины? Нет! Сауни всегда кочевали, а с этими огородами они не способны свободно передвигаться.

Дим отлавливает и держит в неволе животных, говоря о том, что они смогут давать мясо и охотиться будет совсем не обязательно. Но разве великий дух не создал человека человеком, а животных животными? Для своего избранного народа, который стал жертвой его младшего и подлого брата, он дал многое, и шаман должен увидеть, где здесь польза, где вред. Табуки и собаки – вот что предопределил для сауни великий дух. Первые помогут людям при кочевье, вторые помогут охранять покой стойбищ. Но Дим в своем заблуждении решил пойти дальше и начать приручать других животных.

Уже тогда Такунка усомнился в том, что Вейн правильно видит знамения великого духа и их предков. Чтобы рассеять сомнения, понять, прав ли верховный шаман или заблуждается, Такунка посетил всех пятерых шаманов, и они собрались на совет в лесной глуши, подальше от стойбищ. Он поведал всем о своих сомнениях и о том, что, по его мнению, Вейн ошибается, а сауни свернули с верного пути.

Как же он был удивлен, когда все единодушно выказали свои сомнения! Более того – все эти сомнения были совершенно одинаковы. Никто не сомневался в избранности Вейна. Но разве он не человек? Разве он не может ошибаться? Сегодняшние шаманы гораздо моложе Вейна, но разве они могут ошибаться, все шестеро? Однако вот так просто объявить, что верховный шаман неправ, не получится. Их слово – против слова того, к кому является великий дух и направляет его руку. Тут нужно быть очень убедительным.

Было решено, что один из них отправится за советом к духам предков. Так уж случилось, что слепой жребий пал на Такунку, и он, преисполненный решимости, отправился выполнять волю совета. Нет, он не думал, что до него снизойдет великий дух, но духи предков всегда его навещали и помогали советом. В основном это происходило во сне или после долгого камлания. Но сейчас вопрос слишком серьезен и требует особого подхода.

Место, которое выбрали шаманы, представляло собой голый утес, лишенный деревьев, травы и земли. Голый камень, сплошной огромный валун, продуваемый всеми ветрами и опаляемый солнечными лучами. Он провел там трое суток без воды, еды и сна, непрерывно взывая к духам предков. Но они оказались немые. Духи предков не осмелились его посетить, потому что к нему явился сам великий дух. Никогда еще такого не было. Он даже в самых смелых мечтах не надеялся увидеть его.

Собственно, он его и не увидел. Он видел могучего охотника в белоснежной набедренной повязке, с копьём в руке. Он видел его густую, убеленную сединой бороду, заплетенную в две косички, как это и принято у его народа. Но он не видел его лица. Легенды гласят, что тот,

кто увидит лицо великого духа, будет самым счастливым из людей. Но Такунка ничего не хотел для себя лично, а потому не расстроился. Он хотел знать, как должен поступить его народ. Вот тут-то ему и стало окончательно понятно, что Вейн ошибается.

Великий дух оказался недовольным тем, что сауни нарушили привычный порядок вещей и не отправились весной в кочевье, хотя он и направил к ним своих посланников. Им было по силам за зиму изготовить то самое оружие и дать его сауни. Вместо того чтобы научить охотников делать это оружие, Дим обменивал его за столь непомерную цену. Великий дух этого не одобрял. Все, что мог взять его посланник, – это уголь. Десять лодок угля за один топор – это очень много, столько не нужно, чтобы его изготовить. И вообще обмена никакого не должно быть, ведь посланники делали то, что велел им великий дух, они использовали камни, помеченные кровью предков сауни. А сколько может стоить кровь предков? Есть ли у нее цена?

И потом. Это кровь предков сауни, а значит, они не могут противиться тому, чтобы все соплеменники могли добывать из тех камней железо. Дим должен был только указать путь, научить. Не может только один род заниматься этим, тем более не может быть во главе пришлый. Пусть он и посланник великого духа, но ведь он не сауни по крови. Эти камни помечены кровью их предков, а не его.

Они все поняли неправильно. Они все делали по-своему. Великий дух хотел не этого. Они должны были дать оружие и железо его народу, а не выменивать его с выгодой для себя. Вейн ошибался, и он, Такунка, должен доказать это всем. Он должен раскрыть глаза верховному шаману, а если это не удастся, то занять его место. Но как это сделать? Как доказать всем, что прав он, а не верховный шаман?

Кочевье! Удачное кочевье и большая охота все расставят по своим местам. Именно этот путь указал ему великий дух. Новое оружие позволит убить столько зобов, сколько сауни смогут унести. Оно же поможет отогнать этих назойливых и возомнивших себя более сильными хакота, бугов и магаков. И когда они вернутся из удачного кочевья, только тогда он, Такунка, обвинит Вейна в том, что тот извратил волю великого духа. Да. Именно так все и будет. Сам великий дух одобрил это решение и заверил, что кочевье будет очень удачным.

Едва волоча ноги, он с невероятным трудом добрался до рула, в котором все это время находились пять шаманов, поджидая, когда их посланник вернется с вестью от духов предков. Им было неизвестно, сколько пройдет времени и когда духи навестят Такунку. Но все то время, пока его не было, они, не прекращая ни на мгновение, по очереди камлали и взывали к духам, чтобы они даровали откровение их соратнику. Каково же было их удивление, когда выяснилось, что благодаря их стараниям и жертве Такунки к нему снизошел сам великий дух.

Измученный посланник, едва шевеля пересохшими губами, с трудом смог рассказать о случившемся. После этого он потерял сознание и пробыл в беспамятстве целые сутки. Благодаря заботам шаманов он очень быстро оправился, а потом они понесли волю великого духа народу сауни.

Шестнадцать родов пошли за ними. Шестнадцать родов были готовы отправиться в кочевье, поверив шаманам и усомнившись в правоте Вейна. Но шаманы ни в чем не обвиняли верховного шамана. Время и воля великого духа укажут всем, кто прав, а кто нет. Все решится на арухе, ежегодном осеннем празднике, когда закончится удачное кочевье. А оно будет удачным, в том нет никаких сомнений, потому как их ведет воля самого великого духа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.